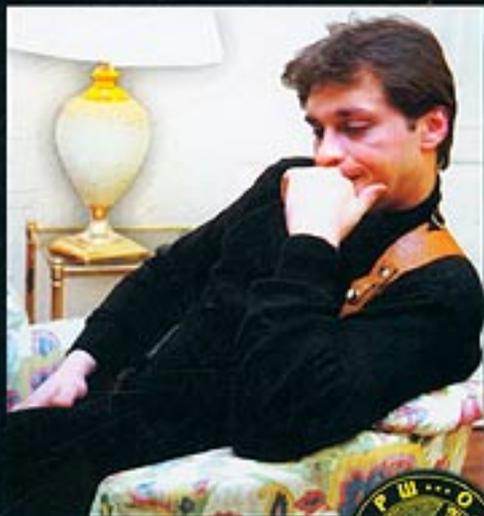

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Неделя длинных
ножей

Фридрих Евсеевич Незнанский
Неделя длинных ножей
Серия «Марш Турецкого»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171434
Неделя длинных ножей: АСТ, Олимп; М.: 2003
ISBN 5-17-016916-7, 5-7390-1183-3*

Аннотация

Случилось невероятное: на глазах у миллионов телезрителей криминальный авторитет убил капитана милиции, который производил его задержание, и бесследно скрылся.

Дело получило слишком громкую огласку, и следствие было поручено «важняку» А.Б.Турецкому. Следы преступления выводят его напрямиком... в органы внутренних дел.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
1	6
2	10
3	16
4	23
5	28
6	34
7	39
8	44
9	49
10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Фридрих Незнанский

Неделя длинных ножей

Пролог

Турецкого вызвал к себе зам генерального прокурора Меркулов. Поздоровался за руку, указал на стул.

– Саша, как всегда, две новости, хорошая и плохая. С какой начнем?

– Как всегда, с плохой... – насторожился Турецкий. – А можно без предисловий?

– Тогда смотри. – Меркулов взял пульт и стал нажимать кнопки, включая телевизор и видеомagneтофон. – Я знаю, телевизор тебе смотреть некогда, но, наверно, знаешь про вчерашнее убийство капитана милиции Анисимова, которое показали в прямом эфире во время телерепортажа о задержании преступного авторитета?

– Черт знает что... Нет, впервые слышу, – признался Турецкий. – А зачем надо было снимать это задержание?

– Главное, кому? Наверняка и здесь политика, – Меркулов указал на потолок. – Сейчас разворачивается кампания, мол надо срочно поднимать упавший престиж милиции, и все такое. А наши безотвязные телевизионщики рады стараться. Решили в очередной раз показать стране, как brave менты вяжут криминальных авторитетов, только не в сериалах, а на самом деле. Заранее широко разрекламировали, да так, что все авторитеты попрытались... Они, Саша, ради собственного рейтинга состряпают шоу о смерти своей матери. Вот, началось, сейчас сам все увидишь. Хотели как лучше, а получили, как всегда. В результате вся страна испытала шок...

– Кстати, я-то почему должен об этом знать? – спросил Турецкий подозрительно. – Разве этим должны заниматься мы, а не МУР?

– Разумеется, они, – продолжал официальным тоном Меркулов. – И я уже говорил по этому поводу со Славой Грязновым. Дело они возбудили. Но мы предполагаем, а начальство располагает. Генеральному оборвали телефоны, в том числе звонили и из Кремля. Все действительно в шоке от увиденного. Никому не хочется предвкушать одно, а кушать прямо противоположное. И продвинутая общественность желает знать, как такое могло случиться. А ее доверие к милиции пошатнулось еще больше. Именно этого, помимо гибели своего коллеги, милиция сбежавшему Доронину точно не простит. А если его поймают, то сымитируют попытку побега, так что даже и допросить не успеем.

– У них не заржавеет, – согласился Турецкий. – А вопросы останутся.

– Словом, генеральный сегодня утром приказал возбудить уголовное дело по факту гибели офицера милиции во время исполнения служебных обязанностей. Слава обещал дать в помощь опытных оперов. Генеральный добавил, что если работников правоохранительных органов безнаказанно убивают на глазах миллионов зрителей, то найти преступника – это дело чести не только милиции, но и всех нас. И еще сказал, чтобы я поручил расследование именно тебе, теперь все понял?

– Да понял... – недовольно пробурчал Турецкий, не отрываясь от экрана. – Спасибо за оказанное доверие! Так... А где обещанная хорошая новость?

– А помогать тебе будет наш новый практикант. Впрочем, ты его хорошо знаешь. Дениска Грязнов.

– С чего это вдруг он практикантом заделался? Слушай, а как же его частное детективное агентство «Глория»? Он что, его забросил?

– Оставил на время практики. Оказывается, и ты тоже не все знаешь. А все потому, что не интересуешься, чем живут твои друзья... Стыдно, Саша. Денис-то ведь без отрыва от частного сыска поступил в аспирантуру родного юрфака, год проучился и сейчас будет проходить у нас практику. Слава позвонил мне по этому поводу и попросил пристроить племянника именно к тебе.

– Растут детишки, – кивнул Турецкий. – Особенно чужие. Не заметишь, как тебя на пенсию турнут... Слушай, Костя, а почему Слава мне не звонил? – недоуменно спросил он. – Я бы и сам Дениску с дорогой душой...

– Не знаю, наверно, у тебя, как обычно, занято было, – сухо ответил Меркулов. – Меня же он просил Дениса не жалеть, а гонять его как сидорову козу, проще говоря, сразу втянуть в дело.

– Нет проблем. Вот пусть он этим делом об убийстве офицера милиции и займется.

– Под твоим непосредственным руководством, – добавил Меркулов и встал, давая понять, что разговор окончен.

Часть первая

1

Зимние сумерки уже сгущались, когда к бару «Мессалина» подъехали на «уазике» опоздавшие телевизионщики. Запыхавшаяся Галя Володина, телекорреспондент из программы «Криминал», виновато развела руками: дорожные пробки, будь они неладны. Трудно повышать голос на красивую женщину, и капитан милиции Сергей Анисимов только пожал плечами, глядя, как телевизионщики быстро разматывают свои кабели. И только убедившись, что они готовы, дал сигнал: пошли!

Озябшие оперативники, до этого болтавшие с мужиками возле киоска, где продавали подогретое пиво, к удивлению последних, мигом натянули на лица темные маски с прорезями для глаз и с двух сторон двинулись к бару.

Анисимов первым поднялся на крыльцо. Из приоткрывшейся двери тут же показался официант в форменной курточке, в руке у него была зажженная сигарета, он выжидательно взглянул на капитана.

– Здесь? – негромко спросил Анисимов.

Тот едва заметно кивнул и отошел в сторону, пропуская гостей, после чего сделал глубокую затыжку.

Натянув маску, Анисимов распахнул дверь, едва не сбив с ног пожилую подавальщицу с подносом, полным грязной посуды, который со звоном грохнулся на пол.

Несколько студентов, потягивающих пиво за стойкой, вскочили, а десяток парней со стриженными затылками, сидевших за сдвинутыми столиками в дальнем углу, лишь лениво повернули головы в сторону ворвавшихся.

Анисимов сразу заметил Дона, он же Вячеслав Доронин, некогда известного авторитета местной группировки, ныне, по слухам, завязавшего. Его огромная фигура возвышалась во главе стола среди братков и девиц, подобранных где-нибудь на Тверской.

– Серега, ты, что ли? – спросил Дон, продолжая обнимать какую-то маруху и присмотревшись к его маске. – Ловишь, что ль, кого?

– Да ищем тут одного... – Анисимов подошел к их столу. – А вы тут киряете, типа, отдыхаете?

– Здорово! – протянул руку Дон. – Тенгиза ждем с его пацанами... Чего-то он опаздывает. Садись, посидим, покалякаем... Да нет тут твоих фраеров! Свои все пацаны...

Но в этот момент браслет наручников защелкнулся на его запястье.

– Ты арестован! – сказал Анисимов и махнул перед лицом Дона бланком с печатью и подписью. – Спокойно, Вячеслав, без лишних телодвижений, ты меня знаешь.

– Ты че, в натуре? – не понял Дон. Его маленькие медвежьи глазки стали наливаться кровью, а собутыльники вскочили, но он жестом велел им сесть обратно. – Спокуха! За что? Серега, ты, случаем, не перегрелся?

– Всем на пол! – скомандовал Анисимов и направил свой «макаров» на Дона. – А ты встань, когда с тобой разговаривают!

Девицы взвизгнули, нырнули под стол, братки вслед за ними. Дон встал, продемонстрировав присутствующим огромную разницу в весовых категориях между собой и отнюдь не щуплым капитаном.

– Серега, ты че?.. Это ж я!.. Да ты сыми с морды носок этот рваный, не боись... Не узнаешь уже?

И даже протянул руку, чтобы сорвать маску с лица Анисимова.

– Руки! – заорал тот, отступая. – Руки за головы!

Оперативники между тем деловито обшаривали карманы братков, которые послушно положили руки на затылки. На пол выкладывались выкидные ножи, газовые пистолеты, кошельки, бумажники, какие-то пластиковые мешочки.

Студенты, до этого разинув рты смотревшие на задержание, опомнились и на цыпочках потянулись к выходу.

– Куда?! – крикнул им вспотевший Анисимов. – Сафронов, не пускай их! Будете понятыми, поняли?

– И Сафрон здесь? – покрутил головой Дон. – Ты че, Анисим, никак решил меня вместо Муму утопить?

– Поговори мне... – Анисимов подтолкнул его на выход. Сафронов уселся, чтобы начать заполнять протокол задержания.

Когда они появились снаружи, Дон отшатнулся, встреченный резким, после полутьмы бара, светом ламп телевизионщиков, и тут же увидел нацеленную на него видеокамеру. Это привело его в бешенство.

– Ты, сука, совсем оборзела? Меня для кино снимаешь? – заревел Дон и рванулся с крыльца так, что Анисимов упал на бок и потащился вслед за ним, прикованный наручниками.

– Стой! – крикнул он, пытаясь подхватить выпавший пистолет. – Славка, стой!..

Но Дон бешено сметал всех, кто попадался на пути, волоча за собой тело капитана Анисимова, обмякшее после звучных ударов головой о бетонные ступеньки, и несколько капель брызнувшей крови попали на объектив телекамеры...

Галя на мгновение, не больше, встретила с налившимися глазами авторитета.

– Я те поснимаю, сука! Я те припомню!..

Она едва успела отскочить, когда он на ходу выбил у из ее рук видеокамеру, та упала на асфальт, после чего рванул по тротуару, волоча за собой Анисимова, и скрылся в гуще толпы. От него шарахались, перед ним расступались, потом толпа снова смыкалась.

Съемка о задержании опасного преступника была сорвана. Галя, закусив губу, смотрела вслед скрывшемуся в плотной толпе авторитету. Слышала, как где-то, уже возле метро, истерично кричали женщины.

Выбежавшие из кафе оперы крутили головами, стараясь понять, куда мог сбежать Дон, потом бросились в толпу, которая в это вечернее время только увеличивалась, ибо час пик был в самом разгаре.

Матерясь и расталкивая встречных, Дон рвался в глубь толпы, отчего окровавленная голова капитана моталась, будто у оторванной куклы. Наконец бросился к ближайшему гастроному, втащил Анисимова за собой, приведя в ужас всех, кто там был, и только здесь увидел, что тот уже не шевелится.

Женщины панически кричали, продавцы попрятались под прилавки, все кинулись к выходу, и в дверях образовалась давка.

Не обращая на них внимания, Дон перегнулся через прилавок, взял бутылку пива, отбил горлышко об угол мраморного прилавка, часть отпил, оставшееся вылил себе на голову.

– Зин, – заметил он спрятавшуюся за холодильником дрожавшую продавщицу. – Колян там? – он кивнул в сторону двери, откуда только что доносились мерные удары топора.

Дверь скрипнула, и в зал осторожно выглянул лысоватый молодой парень в грязном от засохшей крови фартуке. В руке он держал тяжелый топор.

– Не ссы, – хрипло сказал Дон. – Че смотришь? Не видишь, от ментов сбежал...

Он втокнул его назад в помещение, где на дубовой плахе лежала наполовину разрубленная бычья туша. Морщась от боли в посиневшем запястье, куда впилося кольцо наручни-

ков, Дон втащил за собой тело Анисимова. Сбросил тушу на пол, положил на ее место свою руку, соединенную наручниками с рукой мертвого капитана, и, взяв топор из рук Коляна, с размаху разрубил цепь. Вторым ударом воткнул топор в колоду.

– Дарю, – он кивнул помертвевшему от страха мяснику на тело Анисимова. – За баранину сойдет?

И ударил труп ногой, так что голова капитана безжизненно запрокинулась.

Потом кивнул на вторую дверь, противоположную той, за которой уже слышались крики оперов, ворвавшихся в магазин.

– Там открыто?

Колян неопределенно кивнул.

– Пошли, откроешь... – Дон взял его за ворот халата. – И ключи от тачки... скажешь, я угнал, совершь чего-нибудь...

Колян своим ключом открыл, потом запер запасный выход, на что Дон одобрительно кивнул. Они быстро вышли в служебный двор магазина, потом мимо пустых ящиков прошли к стоящим у ворот машинам. Дон шел чуть позади, оглядываясь по сторонам.

У Коляна была выдавшая виды «девятка».

– Нет, поведешь ты, – сказал Дон, когда мясник открыл дверь машины с тонированными стеклами. – Я сзади прилягу... Скажешь, мол, принудил я тебя, ага?

Они выехали со двора, никто их не остановил, проехали мимо входа в гастроном, и Дон, лежавший на заднем сиденье, чуть приподнялся, выглянув в приоткрытое окно. Присвистнул, увидев толпу зевак и съезжающиеся милицейские «газики» с «мигалками» и машины «скорой».

– На все у нас десять минут, – сказал он. – Не больше. – И усмехнулся. – Гони в центр, сбросишь, где покажу.

– Слав, а почему не за Кольцевую? – Колян удивленно обернулся к нему.

– Соображать надо, – усмехнулся Дон. – «Перехват» поди уже объявили. Там меня и ждут, где-нибудь на «Щелковской». И не только менты... Скажешь им, что я заставил тебя отвезти в Гольяново, там и скрылся во дворах... И не вздумай ссучиться, я тебя везде найду...

Сопя и кривясь от боли, он крутил на запястье так и этак наручник с остатком цепочки.

– Вот сука!.. Перекосило, что ли... Шило есть? Дай чего-нибудь потоньше... Прикинь, пер его на себе метров сто, он чуть мне руку не оторвал... Заходит, главное, как свой, и я ему, как человеку, стакан наливаю, на мол, Серега, расслабься...

Колян искоса взглянул в зеркальце заднего обзора на вздувшуюся правую руку Дона. Пошарил в бардачке и протянул ему узкий и тонкий ключ от собственной квартиры.

– Подойдет?

Дон кивнул, посопел, наконец открыл замок и сунул наручник в карман.

– Гони к Курскому по Садовому, там покажу...

– Слав, ну ты даешь, – наконец выдал свой комментарий Колян.

– С-суки, – сквозь зубы ответил Дон. – Хотели меня по ящику напоказ выставить. Как, мол, в Москве авторитетов вяжут.

Он говорил, а сам поглядывал в чуть приоткрытое окно наружу. На Лефортовской набережной, возле парка окружного дома офицеров, тронул Коляна за плечо:

– Тормозни... Здесь соскочу.

– Так до Курского еще не доехали...

– Чует мое ретивое, что там уже ждут, – усмехнулся Дон. – А вот здесь мне в самый раз.

Машина остановилась, и Дон, прежде чем вылезти, внимательно огляделся.

– А ниче у тебя тачка... – рассеянно сказал Дон. – Как новая.

– Капремонт только что сделал. Сегодня пригнал... Ободрали, суки.

– Бывай! – протянул руку Дон. – С меня причитается. Значит, скажешь им, сбросил меня в Гольянове. Не забудь.

– Да понял, понял.

– А это мы после узнаем, понял ты, или нет... – усмехнулся Дон и вылез наружу. – Черт, шуба в баре осталась, еще дуба дашь...

– Возьми мою, – сунул ему свою меховую куртку Колян.

– У тебя какой размер? – усмехнулся тот. – Меня первый же мент спросит, где спер. А вот если еще ствол одолжишь... Тебя ж сейчас все равно обыщут.

– Нет ствола, Слава. С собой не ношу.

– Ладно, мне тут недалеко, так добегу. Мой сотовый помнишь?

Колян кивнул.

– Позвонишь утром, расскажешь, что и как.

Он поднял воротник своей короткой, шестидесятого размера кожаной курточки и двинулся, не оглядываясь, в сторону парка.

Он шел по переулкам, стараясь не идти слишком быстро, чтобы не привлечь внимания. И все равно привлекал. На него оглядывались редкие прохожие. Вряд ли они видели в тусклом свете фонарей кровь на его куртке или на руках. Просто шел огромный человек, легко одетый для нынешней погоды.

Наконец он свернул в захламленный двор с «ракушками» и, прежде чем войти в дверь подъезда, впервые оглянулся. Двор был пуст. Он взял на заметку «шестерку», стоявшую неподалеку. На ее крыше были снег и наледь. Похоже, ею давно не пользовались. При случае может сгодиться...

Дон поднялся по грязной лестнице на второй этаж, позвонил в ближайшую дверь слева, прислушался. Послышались легкие шаги...

– Кто?

– Дед Пихто... – хмыкнул он. – Любаша, я это.

– Слава, ты?

Послышался лязг снимаемой дверной цепочки, потом щелкнули замки.

Невысокая и сухощавая молодая женщина привстала на цыпочки и обняла наклонившегося к ней Дона за шею.

– Откуда у тебя кровь? – спросила она, отстранившись. – И что у тебя с рукой? Смотри... Посинела вся и распухла...

2

Игорь Володин, ведущий журналист «Газеты для всех», сидел у себя в редакции и ждал очередного звонка от незнакомца, обещавшего некую эксклюзивную информацию, и потому сразу схватил трубку, едва он раздался. Это была его жена Галя.

– Игорь, это я... – она не то вздохнула, не то всхлипнула. – Тут такое творится, просто нет слов.

– А что случилось? – спросил он, глянув на часы. – С тобой все в порядке?

– Со мной, слава богу, все в порядке. А вот когда мы снимали задержание, сбежал арестованный, тот самый Доронин по кличке Дон, помнишь, ты о нем мне рассказывал? Вот только что это произошло у меня на глазах, представляешь?

– Ты там как оказалась?

– Долго рассказывать... Нас по тревоге послали снимать, как его будут брать... А он увидел, что мы его снимаем, и рванулся так, что милиционер, который был к нему прикован наручниками, упал головой о ступеньку... И насмерть. Ты меня слышишь?

– Да, где ты сейчас?

– Здесь же... Он еще аппаратуру нам сломал. Глаза бешеные... Убить меня был готов и все разнести. Что молчишь, я не помешала?

– Нет, просто хочу напомнить свой совет: уходи из «Криминала». Эти отморозки, в отличие от наших звезд, не любят, когда их снимают для телевидения. Тебе мало угроз, которые ты уже получила? С тобой, честно, все в порядке?

– Да.

– Тогда извини, мне должны позвонить.

– Заканчиваю. Ты сразу домой?

– Я позвоню, если задержусь...

Тот человек позвонил в назначенное время с точностью до минуты.

– Игорь Николаевич?

– Он самый.

– Это Сергунин. Я вам уже звонил. Вы готовы встретиться? Прямо сейчас?

– А где вы?

– Под окном вашей редакции, в машине. Или вы чего-то опасаетесь?

– Я пока не знаю, чего мне опасаться. И поэтому сейчас спущусь к вам, как мы договаривались... Кстати, как мне вас узнать?

– Я к вам сам подойду. Или позову. Когда выйдете, пройдите десяток метров вправо, там нет милиции... Кстати, никаких диктофонов, вы меня поняли?

– Хорошо.

Игорь положил трубку, подумав, снова ее поднял, чтобы позвонить в частное агентство «Глория» Денису Грязнову, который как-то оказал ему услугу, когда за Галей приударил богатенький кавказец с Центрального рынка. Она покупала у того виноград, а он схватил ее за руку и предложил виноград бесплатно. И сам же стал его отбирать. Словом, она отказала ему в любви с первого взгляда, и тогда он пошел за ней, выследил до самого дома. И стал ее всюду преследовать. Подсылал своих родственников, которые рассказывали ей о богатствах и авторитете Магомада, соискателя ее внимания. Тот факт, что она замужем, их не волновал: мол у русских не поймешь, кто замужем, а кто только так называется. Безутешный ловелас чуть ли не ночевал под ее окнами. Ночных серенад, правда, не пел, но деньги постоянно совал. В том числе Игорю, в качестве отступного.

Денис со своими сыщиками его выследил и поговорил, объяснив, что его ждет, если не отстанет. В качестве последнего довода и наглядной иллюстрации им пришлось продемонстрировать несколько приемов кунг-фу, которые подействовали лучше всяких убеждений.

Денег с этой образцово-показательной семейной пары Денис не взял, но они сами все поняли. В газете, где работал Игорь, вскоре появилась заметка о суровых буднях частного охранного агентства «Глория». А на телевидении прошел репортаж на эту же тему, где в качестве лирического героя, озабоченного состоянием преступности в стране, был показан Денис – на работе и дома. С тех пор он и Игорь обменивались интересной информацией разного рода, как только она появлялась.

Игорь позвонил ему так, на всякий случай, после второго звонка.

Денис сказал, что на время практики переходит работать в Генпрокуратуру и посоветовал ему продолжать переговоры с незнакомцем, иначе это будет выглядеть так, будто он чего-то боится.

Сергунин говорил коротко, боясь, что его запеленгуют. Во второй раз попросил о встрече. Обещал дать информацию, какой в газетах еще не было. И что-то такое было в его тоне... Словом, осталось впечатление, что ему нелегко далось решение позвонить в газету.

Игорь вышел из редакции и сразу поднял воротник куртки. Синие зимние сумерки, сырой ледяной ветер, все прохожие спрятали носы в шарфы или заслонились перчатками. Чертова погода... Скорее бы весна – и на дачу.

Он прошел направо, вдоль машин редакции, пока сзади его не окликнули:

– Игорь Николаевич, я здесь... Садитесь в машину, а то замерзнете.

Игорь обернулся на голос. Увидел приоткрывшуюся заднюю дверцу темно-синего «опель-пассата», откуда пахло теплом и сигаретным дымом.

– Не бойтесь, это не похищение. Я сам остерегаюсь. Сядьте сзади. Дверцу оставьте открытой, если вас что-то беспокоит. Место здесь людное, позовете на помощь, в конце концов...

Голос приглашавшего был простуженный и явно принадлежал не провинциалу. Обычно откуда-нибудь из Сибири или с Урала приезжают в Москву за правдой. Хотя, как сказал поэт, нет ее и выше.

– Мотор, как видите, не заведен, вот вам ключи зажигания, если не верите... И здесь же, кстати, от квартиры, где деньги лежат. Садитесь, а то замерзнете.

Со стороны водителя показалась рука с брелком, на котором болталось несколько ключей.

Пожав плечами, Игорь сел на заднее сиденье. Теперь он видел затылок и часть спины сидящего спереди, а также его лицо в зеркальце заднего обзора. Глаза внимательные, с прищуром, напряженное, худое лицо.

– Не холодно? – спросил незнакомец и, не дожидаясь ответа, включил мотор и отопление.

Игорь увидел в зеркальце его усмешку.

– Разумеется, свою машину я могу заводить без ключа, чтобы включить обогреватель. Мало ли какие бывают обстоятельства, когда необходимо, как сейчас, чтобы мне доверились. Но вам, повторяю, опасаться нечего.

– Может быть, обойдемся без загадок? – спросил Игорь.

– Сначала я должен вас проверить на отсутствие диктофона, – посерьезнел незнакомец.

– Будете обыскивать?

– Зачем? – обернулся к нему собеседник. В его руке был небольшой прибор с мигающим красным пятнышком микролампы. – Если у вас под курткой пейджер или сотовый, отложите в сторону, пока я не включил сканер. Он покажет, как вы выполнили мое условие.

– А как насчет доверия?

– Я только что обманул ваше доверие, отдав вам ключ зажигания, верно?

– Ну, верно... – согласился Игорь.

– А вы мне поверили... К тому же у вас, Игорь Николаевич, есть друзья в сыскных бюро, а у тех в прокуратуре. Значит, обмениваетесь с ними информацией. И наверняка вы подстраховались, сообщив о предстоящей встрече. Они ведь все знают, верно?

– А что, вас ищут?

– Вы догадливы. А я скрываюсь.

– Что ж, вы правы, – перебил Игорь. – Я вас тоже обманул. У меня есть диктофон.

И он вытащил аппарат из кейса, отключил его и положил рядом на сиденье.

– Нехорошо, – посуровел незнакомец, проследив за его манипуляциями. – Я, признаться, представлял вас по-другому, когда читал ваши журналистские статьи и расследования.

– Все-то вы обо мне знаете, – сказал Игорь, положив руку на ручку двери и приоткрыв ее, как бы собираясь выйти. – А вот я о вас – ничего.

– А вы не торопитесь. На вашем месте я бы все-таки сначала узнал, что именно я о вас знаю. И о ваших близких.

Игорь насторожился.

– Что вы этим хотите сказать?

– Что у нас с вами профессии разные, – сказал незнакомец. – Вы человек публичный, на виду, а мне есть что скрывать и есть от кого скрываться. И потому не спрашивайте, как меня зовут. Достаточно фамилии.

– Которая вымышленная?

– Разумеется. Хотя паспорт настоящий, – усмехнулся Сергунин.

Такое уже бывало, подумал Игорь. Сейчас последуют устные мемуары о трудном детстве в отстающем колхозе. О преступной среде, которая затянула. И как тяжело было потом встать на путь исправления. Напиши о нем книгу, а гонорар пополам...

– От меня-то что требуется? – спросил он вслух.

– Для начала выслушать, не перебивая... Короче, мне предложены большие деньги. Двадцать пять штук, – понятно? – зеленью в качестве аванса за акцию, о которой я не могу распространяться. Остальные семьдесят пять – по исполнению. Слишком большие деньги, не правда ли?

– Не знаю. Разве денег бывает слишком много?

– Выходит, бывает...

– Вам нужен совет, как их потратить? – спросил Игорь.

– Тут я сам разберусь. Дело в том, что я уже взял задаток.

– Хотите со мной поделиться?

– Неплохая шутка, – кивнул незнакомец. – А что, это мысль.

Игорь взглянул на часы.

– У меня назначена встреча, и на все про все у нас десять минут.

– Да нет у вас сегодня никакой встречи! – усмехнулся незнакомец. – Во всяком случае, до вечера. Так вы сказали, уходя, ответственному секретарю редакции, когда он спросил вас по внутреннему телефону, будете ли вы на месте, если потребуетесь главному редактору.

– Что ж, у вас первоклассная подслушивающая аппаратура, – пробормотал Игорь после паузы.

Только этого не хватало, подумал он.

– Это я вас взял на понт, – усмехнулся Сергунин. – На самом деле, это мое предположение. А так я совсем ничего не знаю. Но вы правы насчет первоклассной аппаратуры. И потому, кстати, у меня первоклассная информация.

– Так чем могу быть полезен? – холодно спросил Игорь. – Вам дали большой задаток за некую акцию. И что?

– Слишком большой, – уточнил незнакомец.

– С вами тяжело разговаривать, – признался Игорь. – Все вокруг да около.

– Я хочу сначала понять, можно ли вам довериться...

– А я хочу понять, какого черта я с вами теряю время! – не выдержал Игорь и снова взялся за ручку двери.

– А вы не спешите, Игорь Николаевич... Вы ведь журналист. Кто знает, может, не пожалеее, когда узнаете, о чем я вам хочу рассказать. И оставьте дверь в покое.

– Для начала хотя бы назовитесь как-то, я ничего о вас не знаю, кроме названной вами фамилии Сергунин, наверняка вымышленной, так? – неохотно сказал Игорь. – Имя-то у вас есть? Я уже не говорю об отчестве. А то непривычно как-то... говорю с человеком, который называет меня по имени-отчеству, а сам не представился.

– Вот что значит хорошее воспитание! Ну хорошо, не нравится фамилия? А Павел вас устроит?

– Павел так Павел... Но почему-то мне кажется, что это как раз ваше настоящее имя, – хмыкнул Игорь.

– Так вот, если вам предлагают слишком большой задаток за заказную статью, что это для вас означает?

– Что заказчик богатенький, – пожал плечами Игорь. – Или что я должен «мочить» очень важную персону... Или и то и другое вместе.

Он тоскливо смотрел в окно. Теперь там вовсю шел дождь со снегом. Хотя, возможно, это был снег с дождем. Зачем он только согласился на эту встречу?

– Ну, ну... уже теплее, – сказал Павел.

– Кажется, я понял... Вы подозреваете, что оставшуюся сумму заказчику не захочется вам выплачивать? – внезапно догадался Игорь. – Потому что будет некому? Он дал большой аванс, чтобы вас соблазнить...

– И бросить. Уже горячо, – Павел неопределенно кивнул, по-прежнему глядя перед собой.

– Вы киллер? – присвистнул Игорь, с возрастающим интересом глядя на Павла. (Врет или не врет? Если да, то зачем?)

– Вы не прокурор, а я не явился к вам с повинной, – ответил Павел, напряженно глядя перед собой.

– Откуда я знаю, что вы не морочите мне голову? – спросил Игорь.

Павел не ответил.

– Что ж, такое бывает, – продолжал Игорь. – Я хочу сказать, исполнителей убирают, чтобы замести следы, так?

– Да.

– А вы не выполняйте! – воскликнул Игорь.

– Я уже взял аванс. И посвящен в детали и подробности. От таких предложений не отказываются. Опасно. Понимаете?

– Кажется, да...

– К тому же я хочу еще немного пожить, промотав эти бабки. Короче, я решил с вашей помощью предупредить заказчика, до того как я исполню его заказ, чтобы он не вздумал со мной хитрить. Теперь вы все знаете.

– Что я знаю? Что вы можете убить любого, лишь бы вам заплатили?

– Только не читайте мне мораль... – поморщился Павел. – Нет, не любого. Я с разбором. Убиваю только подонков. Этих даже с большим удовольствием. И мне еще за это хорошо платят.

– Так что хоть за акция, вы можете наконец сказать?

– Нет. О ней вы скоро услышите, только не от меня. По телевидению, из газет. А чтобы подстраховаться, я решил с вашей помощью предупредить заказчика, чтобы не вздумал со мной это проделывать. Если со мной что-то случится, подробности этой истории сразу станут вам известны... – он заговорил громко и раздельно, будто диктуя, по-прежнему глядя в одном направлении, прямо перед собой. – Со всеми именами, адресами и документами. Которые вы отнесете в прокуратуру.

– Даже так? – Игорь привстал, отчего голова уперлась в потолок кабины. И снова сел, не вполне понимая, что должен делать дальше.

Павел молчал, по-прежнему глядя в лобовое стекло.

– А зачем вы мне это все говорите? – спросил Игорь.

– Вы мне нужны как гарант моей безопасности, неужели до сих пор не поняли? Наш разговор сейчас подслушивают представители заказчика, теперь дошло?

– Ах вот оно что!.. Я стал вашим заложником?

Павел не ответил.

– Ловко вы меня... А если я откажусь? – неуверенно сказал Игорь.

– Поздно. Вы уже слишком много узнали. Значит, стали опасны для моих работодателей. И теперь я тоже ваш гарант, как вы – мой. Вы мне нужны живым, верно? Значит, я вас должен беречь. А такого телохранителя, да еще бесплатного, вы нигде не найдете. Словом, как только вы залезли в мою машину, вы на все подписались.

Он снова посмотрел в окно.

– Что вы там увидели? – спросил Игорь.

– Какая вам разница... – сказал Павел. – Хотите все знать?

– Я журналист... – напомнил Игорь.

– ...у которого хороший знакомый директор сыскного агентства «Глория». А тот, кстати, со вчерашнего дня проходит практику в Генпрокуратуре, – хмыкнул Павел.

– Вы это серьезно?

– А вы проверьте. Позвоните и все узнаете... Ладно... Видите, вон там отъезжает «девятка» цвета мокрого асфальта?

– Вижу...

Игорь и вправду увидел резко взявшую с места «Ладу», нагло подрезавшую нос какому-то огромному и навороченному джипу.

– Они нас подслушивали, думая, что я не в курсе. Я это говорил скорее для них, как вы понимаете, чем для вас. И сейчас они помчались к хозяину, чтобы доложить, какие неприятности могут с ним случиться, если он захочет от меня избавиться.

– Вот так, да... – растерянно сказал Игорь. – Значит, так и есть. Вы меня использовали.

– Можно сказать и так, – почувствовал Павел. – Втравил я вас. Теперь и вы для них стали опасны... Зато какой материал для вашей будущей книги! Вы ведь книги пишете про такие истории, верно? Я некоторые из них читал.

– Ну и как?

– Нормально. Читать можно. Хотя и врете много. Но и без этого, наверно, нельзя. Короче. На вашем месте я бы тоже подстраховался. Сегодня же рассказал об этом своим коллегам и знакомым. Чем больше людей будут об этом знать, тем для вас лучше. Пока подобная информация замкнута только на вас – вы в опасности.

– Вряд ли они такому поверят, – вздохнул Игорь.

– Но прежде всего расскажите вашему другу из «Глории». Для достоверности можете ему дать мой словесный портрет. В этом для меня нет никакой опасности. Сегодня он у меня один, завтра другой...

– Они и это слышат? – вполголоса спросил Игорь.

– Нет. Они отъехали достаточно далеко, а их микрофончик, который они мне подложили... – С этими словами он достал из-за зеркальца заднего обзора «жучок» и продемонстрировал его Игорю. – Я только что отключил... Что смотрите? Никогда не приходилось бывать на месте своих героев? – спросил он у онемевшего Игоря.

– Нет, еще никогда не выступал в роли страхового полиса... И против своей воли.

– Что ж, сочувствую. На сегодня вы мне больше не нужны. И я вас не задерживаю.

Он демонстративно посмотрел на часы.

– Да, еще одно дело. Наверно, вы знаете об этой истории с Дорониным, сбежавшим от ментов, когда его задержание снимали для телевидения?

– И он еще убил капитана милиции...

– Его собирались арестовать по обвинению в убийстве конкурента, бизнесмена Тенгиза Чугаева, которого его люди нашли мертвым в собственном гараже, откуда он собирался ехать на встречу с Дорониным. Так вот, Славу Доронина я давно и хорошо знаю. Он на подлянки не способен. И никогда ничего просто так не говорит и не делает. Он мне говорил, что со своими пацанами он теперь в полной завязке, и я ему верю, как себе. Его элементарно подставили, понимаете? Он Тенгиза не убивал, и потому ни от кого не прятался. Передайте вашему другу.

– Откуда вы это знаете?

– Мои заказчики плотно работают со мной, – усмехнулся Павел, кивнув туда, где был микрофончик. – А я – с ними. Так передадите?

– Передам... Но он угрожал моей жене, которая должна была его снимать.

– Можете не обращать внимания, – сказал Павел. – Славка, конечно, бешеный, когда его достанут или предадут... Мне бы тоже не понравилось, если бы снимали для кино, как меня вяжут. Считайте, что про все это он уже забыл.

– Скажите, а документы, фамилии для вашей страховки, о которых вы говорили, где они? – спросил Игорь.

– Вот что значит профессиональный журналист! – снова усмехнулся Павел. – Жизнью готов рискнуть ради нескольких строчек в газете... Повторяю. Это все я сказал для них... – он кивнул в сторону окна. – Я вас сам найду, когда в этом возникнет необходимость, – добавил он. – Кстати, видите тот «фиат» красного цвета, его номер 3247, что стоит у поворота? Запомните его: он будет у вас на хвосте.

3

Его машина рванула с места, едва Игорь из нее выбрался. Какое-то время он смотрел ей вслед, потом отправился обратно в редакцию. Не обращая внимания на изучающие взгляды коллег, куривших на лестничной площадке и звавших разделить с ними «пятиминутку», он вбежал в кабинет и сразу же набрал номер Дениса в «Глории». Там ему подтвердили, что Грязнов сейчас проходит практику в Генпрокуратуре, и посоветовали позвонить по сотовому. Игорь быстро набрал другой номер.

– Денис, здравствуй. Помнишь, я рассказывал тебе о Сергунине, который добивался со мной встречи?

– Что-то случилось? – спросил тот недовольным тоном человека, которого оторвали от дела.

– Может случиться. Причем в любой момент. Он очень много знает. Это от него, кстати, я узнал, что ты на практике в Генпрокуратуре. Тебе такое о чем-то говорит?

– Дела... Видно, серьезный человек. А как он узнал?

– Так вот, я с ним только что разговаривал. Он мне много чего передал. Мы можем встретиться? – спросил Игорь. – И добавил, предупреждая вопрос: – Это серьезно и срочно. Лучше прямо сейчас.

– Сделаем так... – Денис посмотрел на часы. – Мой нынешний непосредственный начальник Александр Борисыч сейчас отошел, хотя, я думаю, и ему было бы интересно послушать. А через два часа у них здесь, на Большой Дмитровке, совещание.

– Я успею до совещания! – перебил Игорь.

– Тогда поспеши, – сказал Денис и положил трубку.

Игорь подумал, что неплохо бы отпроситься у своего непосредственного начальника Антона Заева, но потом решил, что, поскольку он все равно объяснить не сможет, а врать надоело, ибо вопросам, как и досужим домыслам, потом не будет конца, лучше ничего пока не говорить.

И буквально выбежал из кабинета, когда услышал голос Заева в коридоре.

– Потом, Антоша, все потом... – он прижал руку к сердцу для пущей убедительности.

– Потом так потом... – тот недоуменно посмотрел ему вслед, пожал плечами и направился к себе в кабинет, спросив у курильщиков на лестнице:

– Кто знает, что там у Игорька опять стряслось?

Присутствующие, явно подражая начальству, синхронно пожали плечами.

... Павел подъехал к ближайшей платной автостоянке. Огляделся. Слежки вроде не видно.

– Командир, присмотри тачку на пару часов! – попросил он охранника, протянув ему десять баксов.

– Ты там взрывчатку случайно не заложил? – хмыкнул тот, но деньги взял.

– Рванет ровно через два часа, – пообещал Павел. – Когда меня здесь не будет.

Он отошел от стоянки, остановил частника и через несколько минут снова подъехал к редакции «Газеты для всех», в подъезде которой недавно скрылся Игорь Володин.

– Останови здесь, – сказал Павел. – Постоим, покурим...

– Я же сказал, что тороплюсь! – ответил парень-очкарик, с виду студент, совсем еще папан, похоже, недавно севший за руль собственной тачки.

– Сколько стоит твое время? – спросил Павел, смерив его взглядом. Потом, не глядя, протянул ему двадцать баксов. – На полчаса хватит? Если придется сидеть больше, я доплачу.

Парень кивнул, посмотрел с почтением. Перевел взгляд на издательство, куда смотрел Павел.

– Вы, наверно, частный сыщик? – спросил он с уважением.

– Вроде того.

– Кого-то выслеживаете?

– Много будешь знать, не успеешь состариться. Тебя как звать?

– Сережа...

– Помолчи пока, Сережа... – сказал Павел, стараясь понять, какая из машин появилась здесь, возле издательства, после короткого перерыва.

– Вы хоть за кем следите-то? – шепотом спросил Сережа.

Когда Игорь вышел, вернее, выбежал из здания, Павел заметил «Жигули», в которые сел журналист, и дал ему отъехать. Потом увидел, как вслед за Игорем с места тронулся красный «фиат»... Покачал головой, вздохнул. Легко быть пророком в собственном отечестве, если предполагаешь самое худшее, подумал он.

– Видишь красную машину? – спросил Павел Сережу, тот кивнул. – Вот и дуй за ней... Не бойсь, перестрелки не будет. Прослежу, и только.

Как Павел и предполагал, Игорь отправился в сторону Большой Дмитровки, к Генпрокуратуре... Так они хотят за ним проследить или решили его перехватить?

– Прибавь газу! – сказал он Сереже. – И догони, слышишь?

Павел включил свой сотовый, набрал номер.

– Игорь Николаевич, это опять я. Видите, за вами следует красный «фиат»?

– Да, я их заметил...

– Это мои заказчики. Следите внимательно. Сейчас они оставят вас в покое.

Отключил сотовый и тут же набрал другой номер.

– Кощей, это я... Короче, вы лучше моего журналиста не трогайте. Сечешь?

– Какого журналиста? – замедленно спросил Кощей.

Похоже, он, как всегда, что-то жевал.

– Не гони пургу. И прожуй как следует.

– Ты объясни толком...

– А кроме меня некому? До сих пор не знаешь, что его, как и меня, вам бы лучше стеречь, будто законно избранного президента. Усек?

– Да ты о чем? – недоумевал Кощей.

– Не придуривайся! – строго сказал Павел. – Я тебя только что зачалил в твоём «фиате», в данный момент за тобой тащусь, понял?

– Паш, да ты че, в натуре, я откуда знаю про твоего журналиста? – возмутился Кощей и даже закашлялся. – Да сукой буду... Мне сказали: за этой тачкой проследить. Я и дал Генке команду.

Похоже, он не в курсе, подумал Павел. Вроде не врет. Неужели хозяин держит его за сязку?

– Тогда передай это Гене. Все, что я только что сказал.

– Тебе надо, ты и передай...

– Это в ваших, кстати, интересах. Он же тебя самого потом спросит: почему сразу не предупредил?

В трубке было слышно сопение и чье-то неразборчивое бурчание. И еще женские голоса. Значит, это не Кощей в машине торчит? Тогда зря он их на понт взял... В сауне поди торчат и уже перепились, догадался Павел. А в «фиате» другие, мелкота, бакланье, ничего серьезного...

– Да чего передать-то? – негромко спросил Кощей.

– Еще раз. Скажи: нас с журналистом лучше не беспокоить. Иначе все сразу всплывут. И поплывут вниз по течению. Утопленники видал, как всплывают?

– Ладно, все понял, – сказал Кощей после паузы. – Счас передам. Про Дона, твоего кореша, слышал? – спросил он, перестав жевать.

– А что с ним?

– Сбежал...

– Опять сбежал? – Павел уже терял терпение. – Или ты про вчерашнее?

Отключив трубку, он подмигнул посеревшему Сереже, который прислушивался с приоткрытым ртом к их разговору. И снова стал следить за тем, что происходило впереди.

Вскоре красный «фиат» притормозил возле светофора на перекрестке, а когда загорелся «зеленый», то не сразу тронулся с места, как бы раздумывая, наконец свернул влево, в то время как машина Игоря Володина двинулась прямо. Оперативно, ничего не скажешь, подумал Павел. Уже получили ценное указание от Кощей из сауны и сделали вид, будто им не по пути. Мол, им совсем в другую сторону.

– Теперь за ним... – махнул рукой в сторону машины Игоря Павел. – Видишь?

– Этот «опель» девяностого года? – спросил Сережа.

– Точно, – кивнул Павел. – Разбираешься...

И только убедившись, что журналист свернул в сторону Большой Дмитровки, Павел решил прекратить преследование и тронул Сережу за плечо.

– Хорош...

Тот послушно притормозил, оглянулся на пассажира. Павел протянул ему сто баксов.

– Здесь и рассчитаемся...

Сережа восхищенно смотрел на него, будто забыв про деньги.

– Может, вам еще когда потребуется? – спросил он.

– Хочешь заработать? – сощурился Павел.

Что за молодежь пошла, подумал он. Лезут в банду, как мотыльки на свет, думают, там бабки за так достаются.

– Нет, я вообще.

– Вообще... – усмехнулся Павел, открывая дверь. – Запомни. Как сказал один умный человек: о чем бы ни говорили, речь на самом деле всегда идет о деньгах. Бывай.

Денис быстро вошел вместе с Игорем в кабинет Турецкого, который с недовольным видом оторвался от бумаг.

– Александр Борисыч, вот, знакомьтесь... – Денис снял куртку и швырнул ее на кресло, потом, забывшись, сел на нее. Игорь тоже поздоровался и поспешно ответил на рукопожатие, когда Турецкий протянул ему руку.

– Приходилось читать ваши статьи... А что у вас случилось? – спросил Турецкий. – Дома все в порядке?

Володин развел руками. Подошел к окну, выглянул на улицу.

– Позвольте, поухаживаю? – галантно произнес Александр Борисович и протянул руку к куртке Игоря. Но тот сам повесил ее на вешалку возле двери. Казалось, он не находил себе места. Они внимательно наблюдали, переглядываясь, за взволнованным гостем.

– Так что произошло? – спросил Турецкий.

– Рассказывай, Игорек, не тяни... – сказал Денис. – Время дорого.

– Даже не знаю, с чего начать. Речь пойдет о том, что уже произошло, и о том, что может произойти в ближайшее время, – сказал Игорь.

– Не интригуйте. Выпейте водички и начните с самого сначала, – сказал Турецкий.

– Лучше водки... Хотя откуда она у вас... Представьте: прихожу сегодня на работу. Звонок. Поднимаю трубку...

– А это твоя дражайшая половина, – подмигнув, перебил Денис. – Проверяет, на месте ли... А ты только что вбежавши и запыхавшимся голосом вешаешь ей лапшу на уши...

– Остынь... – сказал ему Турецкий и предостерегающе поднял палец. – Попробую догадаться. Это звонила ваша жена Галина Володина, работающая телекорреспондентом? – спросил он Игоря.

– Да... А с чего вы взяли, что она должна была позвонить?

– А что, вы еще не знаете... – Турецкий взглянул на Дениса.

– А что я должен знать? – похолодел Игорь. – Что случилось?

– Да пока ничего страшного. Сейчас сами все увидите.

Турецкий включил телевизор и видеомаягнитофон, открыл немного назад, и Игорь увидел сцену возле кафе-бара «Мессалина».

– А, это... – пробормотал Игорь. И загнулся, когда мелькнуло растерянное лицо жены и было слышно, как угрожал ей Дон.

– Об этом я знаю, она мне рассказала, – сказал он после паузы. – Но еще не видел в записи. Да, она сказала, будто сбежавший Доронин ей при всех угрожал. Теперь я это услышал. Его еще не поймали?

– Еще нет, – покачал головой Турецкий. – Кстати, это дело о гибели милицейского капитана передали из МУРа нам. Я уже вынес постановление о розыске и задержании Доронина. И обратился в суд с ходатайством об избрании меры пресечения в виде содержания его под стражей.

– Выходит, то, что ты хотел нам рассказать, с этим никак не связано? – спросил Денис у Игоря, кивнув на экран телевизора.

– Да нет... – пожал плечами Игорь. – Я о другом.

– А мы думали, о супруге беспокоишься... – удивился Денис. – Как бы ее уберечь от сбежавшего бандита.

– Прекрасно знаешь, что я собирался рассказать другое, – сказал Игорь. – Короче, я только что беседовал с живым киллером.

– Еще живым... – уточнил Денис, взглянув на Турецкого, чье лицо хранило невозмутимость. Он явно не оценил юмор Дениса, а также его попытки ерничать. Даже не повел бровью в его сторону. Только внимательно смотрел на журналиста.

– С чего ты взял, будто он киллер? – не унимался Денис. – Он показал удостоверение? У него хоть есть рекомендации? Или сразу предложил тебе свои услуги?

– Прекрати... – негромко сказал Турецкий.

– Может, он пошутил? – предположил Денис, будто не слыша. – Игорек, расслабься, наконец!

– Тебе бы посмеяться... – сказал Игорь. – Да не разыгрываю я никого! Если бы ты был на моем месте, ты бы понял: это все на полном серьезе.

– А почему вы-то ему поверили? – спросил Турецкий. – Почему вы думаете, что это не мистификация?

– Он хорошо знает этого вашего Доронина. Он вообще много чего знает. О том, что Доронина собирались арестовать за убийство его конкурента Тенгиза...

– ...Чугаева, – кивнул Турецкий, переглянувшись с Денисом. – Его действительно нашли в собственном гараже со свернутой шеей. И нужно обладать огромной физической силой, чтобы такое сделать. Я запрашивал УВД Восточного округа по поводу постановления об аресте Доронина, и там сказали, что действительно было возбуждено дело по факту гибели Чугаева.

– Если это так, то получается, что наша милиция решила продемонстрировать обществу, как она мгновенно раскрывает убийства и тут же вяжет киллера по горячим следам... – предположил Денис.

– Многовато он знает для простого-то киллера... – задумчиво сказал Турецкий. – Откуда только? И не желает ли навести нас на ложный след?

– Намекал, что заказчики пасут его, а он подслушивает их. А еще он знает, что Денис теперь работает здесь, у вас.

– Что еще он сказал о Доронине? – насторожился Турецкий.

– Говорит, мол, того не может быть, мол, тот в полной завязке и занят легальным бизнесом. Просил передать, что это дело нечисто. Доронина подставили, все было специально инсценировано и подстроено. А Чугаева он не убивал.

Денис и Турецкий снова переглянулись.

– Допустим... – сказал после паузы Турецкий. – Но это о том, что уже произошло. А что теперь должно произойти?

– Этот киллер должен совершить заказное убийство, за которое ему уже выплатили задаток в двадцать пять тысяч баксов.

– И он не знает, что с ним делать? Советовался с тобой, на что его потратить? – хмыкнул Денис.

– Да нет... – досадливо поморщился Игорь. – Кстати, я спросил его о том же самом. Он подозревает, что после акции его самого убьют.

– Ах, вот оно что! Значит, решил подстраховаться с вашей помощью... – кивнул Турецкий.

– Ну да... Мы сидели в машине, он мне рассказывал, а нас в это время подслушивали его заказчики, и он это знал. Но делал вид, будто этого не знает, мол говорил со мной для них, и если с ним что-то случится...

– ...то компромат на заказчиков из некоего банковского сейфа или вокзальной камеры хранения свалится на тебя? – сказал Денис.

– Вроде того... – кивнул Игорь, испытав некоторое облегчение.

– А это он, душегуб, ничего придумал, – сказал Денис. – Подложил соломки, так сказать. И теперь ты опасаясь?..

– Только за свою семью, – ответил Игорь.

– Невезучие у вас с Галей эти два дня, – покачал головой Денис. – Преступники будто сговорились.

– И что мне теперь делать?

– Пока ничего. Теперь вы представляете для них потенциальную опасность, – серьезно сказал Турецкий. – В том случае, если они, или кто-то другой, убьют исполнителя. В любом случае они должны сесть вам на хвост.

– Уже сели, – вздохнул Игорь. – Павел, отпуская меня, предупредил, что за мной последует красный «фиат». И сказал его номер. Но при этом добавил, что сейчас он им позвонит, и они отстанут. И, действительно, они отстали. Но в дальнейшем, сказал он, они все равно будут за мной следить. Я запомнил только три цифры из этого номера – три, четыре и два.

– А раз уж они сели, – подхватил Денис, – то не могут не знать, куда ты приехал и с кем сейчас разговариваешь. И не могут не догадываться, о чем именно. А значит, им тоже лучше тебя пока не трогать.

– Слабое утешение, – ответил Турецкий за Игоря. – Конечно, мы не можем возбуждать дело по факту, который еще не случился. Они же понимают, что нас эта история с киллером насторожит. И если мы что-то своевременно нароем...

– То заказное убийство сорвется? – Денис пожал плечами. – Можно, конечно, пометать. Но виноват перед заказчиками будешь ты, – Денис упер свой палец в грудь Игоря.

– Да уж. Попал как кур в ошип... – сокрушенно покачал тот головой. – Ну, так я пойду?

– Иди, – отпустил его Денис, будто это он был хозяином кабинета. – А я выйду следом и посмотрю, какая машина увяжется за тобой. И если удастся, запишу ее номер.

Когда Денис вернулся, Турецкий вопросительно посмотрел на него.

– Ну что?

– Красный «фиат», – сказал Денис и протянул бумажку, на которой был записан номер. – Я проехал за ним немного и все увидел. Это хвост, дядь Сань, тот самый. И цифры – 3427.

– Да, похоже, это серьезно, – сказал Александр Борисович, прохаживаясь по кабинету. – И надо подключать твоего дядю с его операми. Это ж ведь их дело искать киллера, а не наше.

– Да уж!.. Но мы ведь аналитики, – сказал Денис. – Сидеть в засаде, надевать наручники мы не можем. Но попытаться вычислить, чтоб направить оперов в правильном направлении? Ну так что, уважаемый шеф? Уж больно интересная шахматная задача попала, как раз для наших аналитических мозгов... Может, рискнем? Я бы с удовольствием походил в роли доктора Ватсона при вас, господин Шерлок Холмс.

– Беллетристику отставим, – ответил Турецкий. – Ты действительно можешь быть иногда полезен со своими заполошными мозгами, в которых, хотя бы из чувства противоречия, иногда что-то сверкает. А кстати, как там без тебя твои архаровцы из «Глории» и блудные мужья с их женами?

– Обойдутся... – отмахнулся Денис. – За меня временно командует Сева Голованов. Мы его достаточно хорошо знаем, он никому спуска не даст. Ну так как? Не бросим Игоря?

– Сначала вернемся к нашим баранам, – Турецкий снова прошелся по кабинету. – То есть к гибели капитана милиции Анисимова и розыску сбежавшего Доронина. Вот этим ты со следственной бригадой, где кроме тебя будет известный тебе Витя Шаравин, и должен заниматься. У меня есть еще один практикант, точнее, практикантка Зоя, она пока займется технической работой... А сейчас давай составим план мероприятий. Записывай. Первое. Провести судмедэкспертизу, вскрытие тела капитана Анисимова, чтобы установить нанесенные повреждения и причину смерти. Второе. Запросить в ГУВД: на каком основании капитан Анисимов задерживал Доронина. Тот обвиняется в убийстве Чугаева. Значит, следует истребовать постановление о задержании и приобщить к делу об убийстве Анисимова. Третье. Допросить тележурналистку Галину Володину по данному факту. Четвертое. Составить письменное требование для МВД о розыске Доронина. И объявить его в федеральный розыск. Записал?

– Да... Дядь Сань, а как насчет розыска этого самого Павла как подозреваемого и одновременно свидетеля по делу об убийстве Анисимова? Он ведь что-то о Доронине знает. И потом, как я понял из рассказа Игоря Володина, каждый день, каждый час может произойти нечто очень серьезное, и если бы удалось предупредить?.. Зачем ждать, когда дело будет возбуждено уже по факту громкого заказного убийства, которое для Генпрокуратуры превратится в очередной тухлый «висяк»? Можно, конечно, уже что-то зная, ждать указания свыше. А может, это преступление века, которое мы сорвем? Так стоит ли терять время в ожидании, пока начальство раскачается?

– Еще не начал работать, а уже охота прославиться?.. – поморщился Турецкий. – Я беру тебя в следственную бригаду по делу об убийстве капитана милиции Анисимова! А насчет истории с этим киллером, который много чего знает, договоримся так. Только после окончания рабочего дня. Тогда ты можешь заниматься чем угодно, хоть сбором информации об этом Павле, тем более он что-то знает о Доронине... А я, если найду время, охотно выслушаю. И даже буду обсуждать.

– Вот это я и хотел услышать! – воскликнул Денис. – И постараюсь в свое свободное время вычислить, кого в ближайшее время наша бессмертная мафия собирается шлепнуть. Даже если потенциальная жертва такова, что я бы не прочь ее сам, своей рукой...

– Я этого не слышал... – сомкнул брови над переносьем Турецкий. – Что ж, попробуй. Это предполагаемое убийство, если, повторяю, это не мистификация, обещает быть гром-

ким. А таких деятелей, чье убийство сегодня вызовет сильный резонанс, не так уж много. Можно пересчитать их по пальцам.

– Уж не политическое ли? – спросил Денис.

– Черт его знает... – качнул головой Турецкий. – А кому мешают наши нынешние политики? Только сами себе... Сделаем так. Будет время, посмотри свежую прессу, кто с кем скандалит, кто на кого наезжает... Попытка не пытка, предупредить, может, и не успеем, но попытаться стоит.

– Так как быть с Игорем? – поднял взгляд на него Денис. – Можно его телефон поставить на прослушку? Ведь этот Павел обещал ему звонить. Согласия Игоря будет достаточно? Ну, предупредим, чтобы не заводил лишних разговоров.

– Если только даст нам свое письменное согласие, – кивнул Турецкий. – Я сейчас о другом. Судя по всему, заказчики уже знают, что Володин предупредил прокуратуру. Но станут ли шантажировать сейчас известного журналиста? Не знаю. Огласка им ни к чему. Вряд ли они на это пойдут.

– Осталось узнать, кто они? – спросил Денис. – И, кстати, как, по-твоему, эти две истории, в которые попали супруги Володиной, чем-то связаны между собой?

– Это ты сам и обдумаешь на досуге. Ну все, не теряй времени и ознакомься с делом об убийстве капитана милиции Анисимова. Займись им вплотную. А я позвоню твоему дяде: вот пусть МУР и организывает оперативные мероприятия по установлению личности этого Павла. Профилактика преступлений, вообще говоря, их дело, а не наше.

4

Дон проснулся, почувствовав чей-то взгляд, машинально сунул руку под подушку, вскочил, наконец разглядел прояснившееся лицо Любаши. Затем услышал отдаленный телефонный звонок.

– Все утро звонят, – сказала она негромко.

Он перевел взгляд на окно, за которым мутнел зимний рассвет.

– А один раз позвонили в дверь... Я в глазок посмотрела.

– Ну и дура же ты! – он привлек ее к себе, так что она тихо охнула от боли.

– Пусти. Ребра переломаешь. Ночи тебе было мало.

– Не, в натуре... Чего смотреть в глазок, если тебя нет дома. Сиди тихо и не высывайся. А может, это опять Форд к тебе с утра пораньше?

– Нет, – замотала она головой. – Форд сразу отвязался, как про тебя узнал.

Дон поднялся с постели, подошел к окну, выглянул в щель между старыми, выцветшими гардинами.

Там, внизу, как в любом московском дворе, среди грязи стояли старые разномастные машины. Двор заполонили «ракушки»... Но водителей не было заметно. И что тут увидишь, подумал он. И уже хотел было отойти, как вдруг увидел, как из синей «девятки» на секунду, не больше, высунулась чья-то рука, чтобы стряхнуть сигаретный пепел.

– Похоже, пасет кто-то... – он оглянулся на Любашу. – Или это тебя?

Она пожала голыми плечами.

– Соседи про меня не спрашивали?

– Да зачем им это надо?... – отмахнулась она. – Хоть мужик ты и заметный...

– Ну да, мало ли кто к тебе ходил или ходит? – криво усмехнулся Дон, не сводя взгляда с машины.

– Слав, мы с тобой вроде договорились... – тихо сказала она. – Сам знаешь: давно никто, кроме тебя...

– Ладно. Подойди, – поманил он ее к себе. – Смотри. Вон ту синюю тачку знаешь? Видела ее когда-нибудь?

Она пожала плечами, потом положила голову ему на плечо.

– Слав, ты кого-то убил? – спросила она.

– Пришлось, – усмехнулся он. – Хотя и не собирался. Случайно получилось.

Она искоса взглянула на него.

– Не веришь? Дело твое... говорю же тебе: с этим завязал. Напрочь. А менты все равно ко мне цепляются... Ну, погорячился... Я ж хотел с Анисимом потолковать только... А он мне сразу браслеты цеплять.

– Ты убил мента? – она отодвинулась от него. – Анисимова?

– Говорю же, не собирался! – он повысил голос. Потом махнул рукой. – Ладно, ты не прокурор, я не подследственный. Выйди пока на лестницу, посмотри, нет ли кого, а я черным ходом спущусь...

Накинув куртку, она направилась было к выходу, но в это время послышалась трель его сотового телефона.

– Подожди... – он предостерегающе выставил руку, остановив ее в дверях, и включил аппарат.

Это был мясник Колян, подвозивший его вчера.

– Слав, ты?

– Ну. Что слышно?

– Всю ночь в отделении просидел.

– Били?

– Там следов не оставляют...

– С меня причитается.

– Все выпытывали, где я тебя высадил. Возил их в Гольяново, как договорились, показал... Собаку пустили, она заскулила, хвостом завиляла.

– Сейчас ты где? – перебил Дон, поглядывая из окна.

– Возле прокуратуры на Большой Дмитровке. Утром отпустили, потом принесли повестку. Через полчаса назначено.

Слышно было, как он зевнул, вполне объяснимо, впрочем, после бессонной ночи в гостях у ментов.

Ясно, подумал Дон. Скандал, показанный по ящику на всю страну, – скандал вдвойне. А тут мента убили в прямом эфире во время показательного задержания преступника. И натурально, общественность отпала. Что, мол, за дела в правоохранительных органах? И потому отдали сразу в Генеральную прокуратуру. Там и должны разбираться. А сам преступник исчез с концами. Кому теперь докажешь, что Анисим сам напросился?

– Ты погоди зевать. Что хоть там будешь показывать, помнишь? – спросил Дон. – У них, кстати, ментовский протокол на руках. Они сверят.

– Не учи ученого. Так что, позвонить потом?

– А ты как думаешь? Только поаккуратнее, могут засечь, – сказал Дон. – Звони лучше из автоматов.

– Ты сейчас где? – спросил, помолчав, Колян.

– Там же, где и всегда, – туманно сказал Дон. – Заканчиваем, потом перезвонишь, расскажешь.

Колян отключил сотовый, вопросительно взглянул на Кощея.

Они сидели впятером в новеньком «форде-сиерра» неподалеку от Генпрокуратуры, здание которой было видно отсюда.

Кощей удовлетворенно кивнул, вытер рукавом подбородок. Он по обыкновению жевал. Остальные следовали его примеру. На сей раз это были любимые им гамбургеры из «Макдоналдса», что на Тверской. Если для Кощея, тощего и жилистого, они были, что называется, не в коня корм, то другие, более молодые «бойцовые псы» и даже один «референт», служившие в охранном агентстве «Аргус», уже распухли от этой совместной и непрерывной, изо дня в день, трапезы в американских закусочных. И сегодня, с пыхтеньем и сопеньем забираясь в его автомобиль, они с тоской думали, как будут потом выбираться обратно.

Кощей некогда был известным на всю Марьину Рощу, включая Бескудниково и Дегунино, авторитетом. Потом его слегка опустили на бурной сходке за вольное обращение с общаком, и теперь, как говорили вполголоса, он работал водилой у самого Хозяина, не давшего его в обиду. И которого никто здесь не знал – даже кликухи, не говоря уже об имени, – да и знать не хотели, если по правде.

Ибо опасно иметь информацию на сильных мира сего, если они сами ее старательно скрывают. Кроме особо приближенных.

Таковыми приближенными особами к Хозяину были Кощей и Гена, владелец того самого «Аргуса». Но их тоже боялись расспрашивать на этот счет.

Здесь хорошо помнили про одного братка из новых, он было рискнул задать пару вопросов, и его сразу заподозрили в связи с ментурой. Больше его никто не видел.

Кощей запил гамбургер бутылкой любимой «Балтики», прямо из горла, и удовлетворенно кивнул.

– Так где ты его, говоришь, сбросил? В Лефортове?

Колян кивнул.

– Что и кто там у нас в Лефортове? – спросил Кощей у ослотившего «референта» по кличке Толмач, бывшего студента.

Тот встрепенулся. Отличавшийся хорошей памятью, он слыл в агентстве мозговым центром.

– Кто там сидит? Или это не про тюрягу ФСБ, я правильно понял?

– До этой тюряги мы еще не доросли, – вздохнул Кощей как о чем-то несбыточном.

– Так, – сощурился Толмач. – Понял. Будем вспоминать. Уже дал указания своему серому веществу... Маруха там у него живет, вспомнил! Людка, что ли. Или Любка... Помнишь, как-то к ней ночью завалились с Доном? Ниче так. Я бы ей засадил... Бутылку нам поставила. Подруг, правда, не нашлось. Дон у нее тогда остался, а мы отвалили.

– Да их всех разве упомнишь... – махнул рукой Кощей. – Думаешь, он сейчас там?

– А что тут думать... Звони Демиду, как собирался...

Толмач смолк на полуслове, встретившись с его свирепым взглядом.

Колян тоже успел отметить эту недомолвку, хотя не понял ее смысла. Но вопросов задавать не стал.

– Ну, ты ладно, давай, двигай по холодку, – сказал Кощей Коляну после паузы. – Генеральный прокурор тебя заждался, опаздывать нехорошо.

– Не любят они этого, – подтвердил Толмач. – На сколько минут опоздаешь, столько лет и дадут.

И засмеялся по-бабьи визгливым смехом. Но Кощей его не поддержал. Только недобро промолчал, глядя на Коляна.

– Ну, ты понял, нет?

– Времени еще полно... – сказал Колян. – А что хоть там говорить?

Ему явно не хотелось выбираться из теплой машины в мокрый снег и ветер.

– Как что? – удивился Кощей. – Тебя в семье и школе чему учили? Говорить только правду, верно?

– Его воспитывала улица, – усмехнулся Толмач. – Потому спрашивает...

– Дон сказал, отвечать, как записано в протоколе...

– Ты кому шестеришь, мне или Дону? – еще больше насупился Кощей.

– Понял, – сокрушенно кивнул головой Колян.

– Давай, двигай... – подтолкнул его плечом Толмач.

Когда Колян выбрался из машины, Кощей сказал, не оборачиваясь:

– Еще твякнешь насчет Демида...

– Все, все понял! – выставил руки, будто защищаясь, Толмач.

– Кто у нас сейчас в Лефортове?

– Алекс, Колун и Делон.

– Какой еще Делон, почему не знаю?

– Ну, тот самый, я ж рассказывал, – ответил Толмач на непонимающий взгляд Кощей под опустившимися бровями, что не предвещало ничего хорошего.

– Значит, еще раз расскажешь... – недовольно сказал Кощей.

– Толик Делягин, только что пятерик отмотал. Водяру видеть не может, а «Цветочный» или, там, «Аль Капоне» ему только подливай. И еще чифирит, не просыхая. Отвыкнуть от зоны не может.

– Связь какая?

– По сотовому, – пожал плечами Толмач и стал, не дожидаясь указаний, набирать номер. – Только Дон их всех один затопчет...

– Свяжись... – повторил Кощей и взглянул на часы. – Их дело его застукать... А самим не засветиться.

– Делон, ты? – спросил в трубку Толмач. – Как там?

– Вроде тихо... – сипло ответил Делон. – Пацану червонец отстегнул, чтоб он ему в дверь позвонил, только там никто не открывает. Телефон молчит, занавеска не колышется.

– Пусть продолжают наблюдение, – сказал Кощей. – И как только что увидят...

И снова взглянул на часы.

– Колян может сейчас звякнуть Дону, – сказал Толмач. – Доложить он должен или не должен? Куда ему деваться?

– Может, – кивнул, озаботившись, Кощей. – Прослушку придется наладить. Черт... Раньше надо было сообразить...

– А есть она у нас? – спросил Толмач.

– Найдем... – неопределенно сказал Кощей.

...Колян прошелся раз и другой мимо ограды у здания Генпрокуратуры, обратив на себя внимание дежурного милиционера. Черт-те что, подумал он. Кощей на Дона давно зуб имеет. Бойтся его, что ли?.. Ментам его сдаст – только так... И не почешется. Ему хорошо: говори, как есть. А Дон меня и на зоне достанет. И Кощей, если узнает, что прокурорам расскажу, живым урлет.

Он даже вспотел от таких мыслей. Тут надо правильно выбрать... Скажу прокурору все, согласно протоколу, отпустят как свидетеля, с подпиской о невыезде... Скажу, как было на самом деле, опять плохо. Самого еще привлекут. За дачу ложных показаний... А чего, спросят, сначала говорил так, потом иначе?

Он махнул рукой и вошел в проходную, предъявив милиционеру повестку и паспорт. Затем пересек двор и поднялся на второй этаж. Постучал в дверь с номером, указанным в повестке.

– Одну минуту! – сказал Турецкий и взглянул на часы. – Это, кажется, Николай Егоров, его время...

– Который подвозил Дона? – спросил Денис.

– Ну да... Работает мясником в продуктовом, там где и обнаружили тело капитана Анисимова с перерубленными наручниками.

– Его ж задержали...

– Допросили в качестве свидетеля, составили протокол и утром отпустили.

Турецкий вопросительно смотрел на Дениса, и тот отложил газеты.

– Намек понял, – кивнул тот. – И не смотри на меня так. Ладно, потом посмотрю, полистаю... Все думаю, а вдруг? Вдруг успею вычислить потенциальную жертву организованной преступности, которую заказали этому Павлу... Хотя это то же самое, что выловить в темной комнате черную кошку, которой там нет.

– Но надеешься?

– Попытка не пытка. Убийство обещает быть громким. И за кого бы это Павлу перепало двадцать пять штук аванса, и все зелеными? Столько ведь просто так не дают. А скандалов у них там, на Олимпе да в коридорах власти, – он показал на потолок, – как в сказке. Чем дальше, тем страшнее.

– Это все потом. А сейчас давай послушаем.

Когда Колян вошел в кабинет, Турецкий с хмурым видом, не отрываясь от папки, указал ему на стул.

– Присаживайтесь... Вы – Егоров Николай Григорьевич?

– До сих пор мне говорили: садитесь, гражданин Егоров! – хмыкнул Колян, протянув повестку, после чего присел на краешек стула, будто ожидая команды встать.

– За что привлекались? – спросил Турецкий, листая материалы в папке с делом Егорова. – Так, статью вижу, сто пятая часть первая, групповая... а вот за что конкретно?

– За драку.

– Ничего себе драка! Если тот, кого вы били, скончался на месте!..

И скептически оглядел тщедушную фигуру допрашиваемого.

– Да какая это драка?.. – неохотно повторил тот. – И не я один там был. Сема сам напросился, пьяный был. Полез к нашим девчонкам. Его мордой в грязь, мы ушли, а он и захлебнулся. Да там в деле есть...

– Мордой в грязь? Тут написано о множественных телесных повреждениях, которые нанесли потерпевшему... Значит, уже в колонии вы и познакомились с Дорониным по кличке Дон?

– Было дело, – неохотно кивнул Колян. – Там мимо авторитета не пройдешь... Особенно если в первый раз.

– А что, пришлось шестерить? – негромко, как бы сочувствуя, спросил Турецкий, просматривая справку спецотдела МВД. – Или подружились?

– Не то чтобы... Там на зоне москвичей не любят... – сказал Колян. И добавил: – А нас нигде не любят. В армии, помню, доставалось, если в меньшинстве. На зоне – один черт. Дон за нас заступался...

– Его боялись или уважали?

– Боялись. И потому уважали... Он там мазу держал. И все, в натуре, только по-справедливости! – вдруг добавил он громче и поднял глаза на следователя.

– Что значит был? – не понял Турецкий. – А потом? Потом перестал? Изменился после отсидки?

– Он раньше меня вышел... Потом не знаю. Вообще, нас, то есть бакланье, он никогда не обижал.

– Значит, вы не отрицаете, что поддерживали с ним связь?

– Ну какая там связь? – поскреб Колян в лысеющем затылке. – Так только, заезжал, в смысле, насчет вырезки ему... Или там окорок.

– Где вы были, когда произошло убийство капитана Анисимова? – спросил Турецкий, листая теперь другую папку – следственное дело, доставленное из ГУВД.

– Там же написано...

– А вы напомните еще раз.

– Проверяете? Ну да... На рабочем месте, в магазине, где ж еще?

– Кто-нибудь может это подтвердить?

– Ну да... Завсекцией Елена Абрамовна, рабочие наши, грузчики... И еще уборщица тетя Фрося насчет обрезков для кота подкатывалась.

– Значит, он вошел к вам в разделочную, где вы рубите мясо... И что дальше? – спросил Турецкий, листая протокол.

5

Павла встретили, как договаривались, возле Павелецкого (наверно, чтоб встречающие легче запомнили место встречи). Он оставил машину на платной стоянке, подошел к кассам дальнего следования.

От ближайшего кафетерия отошли два неброских парня – стриженных коротко, но в меру – в коротких куртках и вязаных шапочках, подошли вплотную.

– Опаздываешь... – сказал один из них, альбинос с белесыми глазами и, по-видимому, лысый, поскольку шапочка буквально болталась на его темени.

– Пробки... – пожал плечами Павел, спокойно выдержав его взгляд.

Второй – шатен, – стоял чуть в стороне и сзади. На подстраховке.

Стало быть, предупредили, подумал Павел. О том, что теперь можно от меня ожидать...

Скорее толстые, нежели накачанные, они внимательно оглядели Павла, как бы проверяя на предмет его готовности к отпору, если, например, потребуют сдать ствол. Возможно, они, либо их хозяева, не были уверены, что он приедет после его встречи с журналистом Володиным.

– Ну что, поехали? – негромко спросил Павел.

– Потерпишь... – альбинос взглянул на шатена, тот слегка кивнул, отошел в сторону, достал сотовый, повернулся к ним спиной.

– Он здесь, – сказал шатен.

– Давно прибыл? – спросили в трубке после некоторого молчания.

– Только что...

– За полтора часа доберетесь?

– Думаю, успеем.

... Абонент, поджарый, высокий и немного сутулый, отключил трубку, взглянул на сидевшего напротив мужчину средних лет и спортивного сложения в махровом халате, вытиравшего полотенцем еще мокрые после ванны волосы.

– Ну, что будем делать, Авдей Карлович?

– Гена, опять ты за свое. Да пусть приезжает... – ответил тот. – Могу я на него посмотреть?

А сам посмотрел на себя в зеркало. После чего нажал кнопку звонка и лег животом на кожаный диван.

– Я думал, он смоеется с такими бабками... – покрутил головой Гена. – После того, как просек, что его ждет.

– Ты это чего? – удивленно спросил Авдей Карлович. – Куда он смоеется? Наоборот. Он, кстати, не дурак и понимает: мы везде его достанем... И потом, надо отдать ему должное. Мы-то на самом деле собирались от него избавиться. И он вычислил наши намерения. И принял адекватные меры, втянув в это дело журналиста. Ты бы на его месте взял бабки и ударился бы в бега, куда-нибудь в Сочи, верно?

– Залег бы на дно, – кивнул Гена.

– Надолго?

– Черт его знает... Вы же везде достанете.

– Значит, надо знать меру, когда даешь аванс, теперь понял?

– Мало плохо, много – подозрительно... – вздохнул Гена. – Для классного исполнителя, как этот Павел, а таких у меня в «Аргусе» просто нет, аванс в двадцать пять штук – самое то.

– Раз классный, значит, не хуже тебя понимает эту бухгалтерию. Пора бы знать: профессиональный киллер всегда задастся вопросом: что для заказчика после исполнения заказа будет спокойнее и дешевле? Выплатить остаток или заказать самого исполнителя?

Гена промолчал, только неопределенно насупился.

– Ты там у себя, в «Аргусе», такие «зачистки» делал? Избавлялся от кого-нибудь? Небось от тех, кто много запрашивал?

Спросил и приложил палец к губам, кивнув на дверь, Гена не успел ответить. Вошла, опустив глаза, молоденькая девушка в японском халате и, опустившись на одно колено, принялась разминать и массажировать спину Авдею Карловичу.

Тот закрыл глаза, повернул голову в другую сторону. Похоже, он постанывал от наслаждения, когда ее руки спустились ниже.

Набычась, Гена смотрел на девушку, на волнующие линии ее тела, частью угадываемые, частью просвечивающие сквозь шелк. Закончив массаж, массажистка склонилась к уху Авдея Карловича, что-то неслышно спросила.

– В другой раз, – хозяин ласково потрепал ее по щеке. – Сходи в бассейн, когда освобожусь, вместе поплаваем...

Он какое-то время смотрел ей вслед, потом снова повернул голову к Гене.

– Кстати, о зачистках. Эту акцию с Доном ты ничего придумал. Только исполнение, как всегда, не на высоте. Кто знал, что он действительно бешеный!

– На том и строился расчет, – буркнул Гена. – Собирались шлепнуть, когда взбеленится и начнет вырываться. А Анисимов не успел...

– Все верно... – согласился хозяин. – Но как ты собираешься теперь расхлебывать?

– Демид пусть сам расхлебывает, – недовольно сказал Гена.

– С Демидом надо быть поаккуратнее, – поднял палец хозяин. – Его нужно беречь. Такими, как Демид, не бросаются.

... Когда Павел вошел в сопровождении альбиноса и шатена на территорию дачи, его снова стали обыскивать, забрали пистолет. Авдей Карлович сказал по переговорному:

– Да ладно, пусть проходит, все свои... – И повернулся к Гене: – Об истории с журналистом в разговоре с ним ни слова, ты понял? Я это возьму на себя. Ничего не было. Ни сейчас, ни потом, а вот когда все закончится... Да, и по имени-отчеству меня не называй.

Павел вошел в дом и сначала увидел старинные картины, антикварную мебель, а уже затем самого хозяина, протянувшему ему навстречу холеную руку с отполированными ногтями. Павел в ответ настороженно протянул свою, ощутив, к некоторому удивлению, крепость пожатия.

– Как доехали? Все нормально?

Павел ответил не сразу. Мягко стелет, подумал он, разглядывая хозяина этого великолепия, как-то спать уложит... С пулей в голове, или есть другие варианты?

– Прежде чем выехать на наш полигон, может, выпьете что-нибудь? – продолжал Авдей Карлович и, не дожидаясь ответа, щелкнул за спину пальцами. Павел неопределенно пожал плечами.

Из-за дверей неслышно возник черноволосый, небритый и молчаливый охранник с бугристым отечным лицом. Он открыл стенной бар, извлек оттуда бутылку виски.

– Маслины, анчоусы, что предпочитаете? – продолжал гостеприимный хозяин.

– Я пью только водку, – сказал Павел. – И после первой не закусываю.

– Похвально. А это никак не отражается?..

– Никак.

Павел чувствовал на себе тяжелый взгляд Гены и старался не смотреть в его сторону.

– Проверим, – кивнул Авдей Карлович. – Гена говорит, будто вы лучший стрелок, каких он видел. Вот и продемонстрируйте... Джемал, налей гостю и достань мой «глок».

Они проследили, как Павел выпил стакан, после чего Джемал подал Павлу небольшой автоматический пистолет. Павел щелкнул предохранителем, вытащил пустую обойму, вопросительно взглянул на хозяина.

– Ах, да... Джемал, дай гостю полную обойму...

Гена бросил взгляд на Авдея Карловича, но тот успокоительно положил руку на его плечо.

Павел с хмурым видом вставил обойму, бросил взгляд на присутствующих. Все замерли, Джемал напрягся, один Авдей Карлович благожелательно улыбался.

– Смотрите так, будто собираетесь всех перестрелять, – непринужденно пошутил он. – Или положить всех нас на пол.

– Посмотрю на ваше поведение. Так куда целиться? – спросил Павел, взведя затвор.

– Ну не в меня, конечно, – продолжал улыбаться хозяин. – Впрочем, Джемал бы все равно вам этого не позволил. У него реакция, как у барса.

Авдей Карлович подошел к окну, широко раскрыл его. Потом оглянулся, достал с изящной антикварной этажерки, стоящей рядом, резную деревянную шкатулку.

– Я нумизмат, – сказал он. – Это у меня фамильное. Еще мой прадед, потомственный дворянин, был известным коллекционером... Впрочем, это лирика. Раньше был обычай: в старинных русских монетах делали отверстия, чтобы продеть нитку или шнурок и повесить на шею любимой женщине. У меня есть такая женщина и такая монета, но без дыры... Называется «денга»...

Он показал неровно обрубленную под круг, позеленевшую медную монету.

– Сделайте так, чтобы я мог повесить эту монету на шею моей любимой девушки в качестве талисмана. Для этого в монете нужно сделать отверстие. Желательно в середине. Можно и просверлить, но пулей романтичнее. Постарайтесь ее не испортить...

Павел коротко кивнул, раздвинул ноги, двумя руками выставил пистолет перед собой.

Авдей Карлович поставил монету на нижнюю раму открытого окна и взялся за шнур шторы.

– Джемал, сам посмотри, чтобы никого там не было. Я приподниму штору и сразу опущу, – обратился он к Павлу. – За это время вы должны успеть в нее попасть...

Штора приподнялась и тут же опустилась, прикрыв монету, но только щелкнул затвор – выстрел не прозвучал.

– Осечка... – пробормотал Павел, озабоченно глядя на пистолет.

Хозяин по-прежнему улыбался.

– Это называется иначе, – поправил он. – Двойная проверка на вшивость. Уж извините, вы для нас новый человек, к тому же подозревающий нас в нехороших намерениях... Эти патроны были без пороха, если вы еще не поняли.

Павел испытующе взглянул на него, оглядел присутствующих, потом протянул пистолет хозяину.

– Заберите вашу пушку. Пока я с вас не получил под расчет, вам бояться нечего... – усмехнулся он. – Если хотите меня испытать как стрелка, верните мне мой ствол... И тогда дырка будет там, где укажете.

Они переглянулись, Авдей Карлович чуть заметно кивнул, и Джемал подал Павлу его ТТ, отобранный внизу.

Монета снова встала на прежнее место, выстрел раздался, когда штора уже опустилась, но когда ее снова подняли, то помимо дырки в ткани все увидели отверстие в монете, которую принес Джемал.

Из бунгало, где был зимний бассейн, выглянула испуганная девушка с чалмой из махрового полотенца на голове и в наполовину расстегнутом халате, который она тут же запахнула. Мелькнули ее трусики на округлых бедрах.

– Что случилось? – крикнула она.

– Олечка, все в порядке, это наш гость сделал мне для тебя подарок, – сказал хозяин.

Павел встретился с ней взглядом, после чего она хмыкнула, поправила халат, обнаживший плечо, и снова исчезла за дверью.

Джемал разглядывал монету, цокая языком, качая головой, и не сразу протянул ее Авдею Карловичу.

Вытянув шею, Гена старался разглядеть то, что теперь уже хозяин вертел в пальцах.

– Замечательно, – сказал наконец Авдей Карлович. – Такой стрельбы я еще не видел. Не хотел бы я оказаться по другую сторону вашего прицела... По этому случаю стоило бы выпить...

– Ваш ствол «замазан»? – несколько позже спросил он Павла, продевая шелковый шнурок в отверстие в монете. – Вы ведь в курсе, в каких условиях вам предстоит выполнить заказ? Или вам еще не рассказывали? – Он взглянул при этом на Гену. Тот неопределенно пожал плечами.

– Пока нет... – ответил Павел.

– А что ж вы согласились... Ладно, это произойдет в одном фешенебельном московском отеле, в котором всегда полно народу.

– Много народу – это хорошо и плохо, – прокомментировал Павел.

– Разве удача не зависит от профессионализма исполнителя? – сощурился хозяин. – Когда будете уходить через толпу, от пистолета легко избавиться. Вам покажут, где именно это будет происходить, и вы сможете заранее отработать до мелочей вашу тактику. С вами будет и второй номер.

– Зачем?

– Ну мало ли? Вы классный специалист, но чего не бывает! Он должен будет закончить работу, если что-то вам помешает. На ваш гонорар это не повлияет...

– Да уж. Если работать в толпе, а ствол выбрасывать, желательно, чтобы он был не замазанным, – согласился Павел.

– Тогда не будем терять времени, – кивнул Авдей Карлович. – Вас отвезут на наш полигон, там подберут ствол, который вы сами и пристреляете.

Когда Павел вышел, Гена задержался в дверях.

– Все-таки это против наших правил, – сказал он. – Мы договаривались, что исполнители заказов вас никогда не увидят.

– Сделаем исключение, – кивнул хозяин. – Мне захотелось на него взглянуть. Он не похож на других. Человек сделал верный ход, чтобы себя обезопасить. Я бы до этого не додумался. Да и ты тоже... Кстати, такие вот, незаурядные, не стучат органам без нужды. Стучат бездари. Запомни это на всякий случай... И скажи Кощею, чтоб отвез его на полигон. И присмотрел там, понял?

Он хлопнул Гену по плечу. Тот нахмурился еще больше, но не сказал ни слова. И вышел из гостиной.

А будет неплохо, если Гена почувствует в Павле конкурента, подумал хозяин, оставшись один. И в любой момент, когда мне захочется его заменить... Нет, сейчас лучше о другом подумать...

Вошла Оля, в той же чалме на голове, в халате.

– Простудишься, если будешь так ходить, сколько тебе повторять? – Он подошел к ней сзади и надел на шею ленту с простреленной монетой.

– Что это? Откуда? – удивилась она.

– Ну да, до сих пор на твою шею вешали только бриллианты. А эта старинная монета – талисман. Мне еще бабушка об этом рассказывала. Если монету прострелить меткой пулей и повесить на себя, смерти от рук убийцы можно не опасаться. Среди петербургских гусар было такое поверье.

– А разве мне что-нибудь грозит? – спросила она.

– У меня слишком много завистников... – вздохнул он. – А друзей почти не осталось. И те, кто были, как правило, превращаются в моих врагов. Чем дальше, тем их больше. Остался один друг детства Арик Цивилло, да и тот...

– Завидуют. Значит, есть чему?... – сказала она, разглядывая себя в зеркале.

– По правде говоря, да. Например, если кто-то захочет тебя у меня отнять.

– Как будто я дорогая безделушка... – сказала Оля. – Но не убить же?

– Если ты воспротивишься, могут и убить, – пожал он плечами. – Или, если кто-то поймет, что ты для меня дороже всего, и тем самым решит выбить меня из игры. Или сломать мне жизнь.

– Понимаю, я твое слабое место. Ахиллесова пята. Мы говорим не о том, тебе не кажется?

Он промолчал.

– И что, я теперь должна все время с ней ходить? – спросила Оля.

– Можешь не надевать, если не нравится, но всегда имей при себе.

– Авдюша, скажи, а что за парень все время сидит у тебя за компьютером? – спросила она.

– Он теперь работает на меня.

– А ты даже нас не познакомил. Твоих охранников, всех этих племянников дяди Джемала я знаю, а его нет.

– Я знакомлю тебя лишь с теми, с кем, возможно, нам снова придется встретиться, – сухо сказал Авдей Карлович. – Если быть более точным, он не работает, а отрабатывает должок. Он хакер. Попался на попытке ограбить мой банк. От суда я его отмазал. Сделает свое дело, и до свидания. А сейчас иди отдыхай, мне нужно поработать...

Он проводил ее до ее комнаты, прикрыл за ней дверь. Потом, подумав, вошел к себе в кабинет. Там была полутьма, только светился экран компьютера. За ним сидел худощавый, с длинными, светлыми, волнистыми волосами парень. На экране мелькали комбинации цифр.

– Ну как? – спросил Авдей Карлович. – Что-нибудь получается?

– Мощность маловата, – сказал парень. – Жесткий диск нормальный, пока хватает, а оперативная память хорошо бы иметь на пятьсот двенадцать мегабайт, такие уже есть. И процессор пора бы заменить... Говорил вам уже.

– Говорил... Какой на сегодня самый быстрый?

– Пентиум-четыре. На две с половиной тысячи мегагерц, но это есть только в Штатах. В России пока нет.

– В Японии они есть?

– Должны быть... Да, я читал, у них они появились.

– Значит, в России у тебя будет у первого, – кивнул Авдей Карлович. – Сегодня же туда позвоню по спутниковой связи. Сколько тебе всего потребуется времени?

– Если сменить процессор и оперативку... Двое суток, не меньше. Трудный у них код, понимаете? Сложный и хитрый. Я такие еще не взламывал.

– Цену, Вовик, набиваешь... – Авдей Карлович потрепал его по волосам. – Маловато плачу?

– Нет, что вы... – засмутился тот. – А можно попросить?... – спросил он, когда хозяин был уже в дверях.

– Смотря что, – обернулся Авдей Карлович.

– Раз уж процессор пришлют вам из Японии... Нельзя ли там же заказать дополнительно один сканер? Я запишу, как он называется. Это последняя модель.

– Записывай, – кивнул Авдей Карлович. – Это все?

– Пока не прислали процессор и сканер, могу я съездить домой? А то там до сих пор не знают, где я.

– Все необходимое тебе доставят уже завтра, – сухо сказал Авдей Карлович. – Рейсом из Токио. Домой тебе уже звонили и объяснили родителям, что суд дал тебе условный срок с конфискацией имущества и возмещением ущерба. Этот ущерб ты и отработываешь, понятно?

– Они это знают...

– И знают, кто вытащил тебя из тюрьмы? – сощурился Авдей Карлович.

– Нет... – опустил голову Вовик.

– Им это и не обязательно знать, – наставительно сказал Авдей Карлович. – А вот тебе забывать нельзя.

– Я помню... Ну хоть позвонить им можно? И еще подруге. А то как бы не сбежала. Уйдет ведь к другу Алику... – усмехнулся он неловко и заискивающе.

– Звонить отсюда нельзя, это было обусловлено с самого начала, – строго сказал хозяин. – А твоему другу Алику не поздоровится. Дай телефон, его предупредят.

– А подруга?..

– Найдем тебе и подругу. И не одну, если пожелаешь... – усмехнулся Авдей Карлович. – Из моей личной коллекции... Ты каких предпочитаешь? Шатенок, блондинок?

– А можно?.. – запнулся Вовик.

– Ну-ну, – поощрил Авдей Карлович, сощурившись. – Брюнеток предпочитаешь?

– Нет, она здесь у вас живет. Я слышал, ее Олей зовут. Массажистка ваша. С Олей мне можно познакомиться?

– Ты этого не говорил, – негромко сказал Авдей Карлович. – А я не слышал.

И плотно закрыл за собой дверь.

Он походил какое-то время по кабинету, раздумывая. Всемирная история свидетельствует: друзья созданы для того, чтобы предавать. Даже этого Вовика уже предал, или предаст, какой-то Алик. Как меня Арик. Он же Арнольдик, Арнольд Семенович Цивилло, бывший друг детства, школьный товарищ, ныне владелец банка «Континенталь». Известен как один из строителей финансовых пирамид, ограбивший многие тысячи простодушных вкладчиков. Вернул им жалкие крохи и снова выплыл... Причем с моей помощью. Или всплыл? Нет всплывают только подводные лодки и утопленники. На утопленника Арик не похож. Его банк по нынешним временам довольно средний, и потому Арик все время старается к кому-то прилепиться. Например, войти в долю к нам в «Бета-групп».

Но это мы еще посмотрим, брать тебя, Арик, или не брать...

6

На другой день Игорь Володин вернулся поздно, когда Галя и сын Сережа уже спали. Он заглянул в спальню к сыну. Посмотрел на его безмятежное лицо, тихо прикрыл дверь. Потом прошел на кухню, открыл холодильник, включил электрический чайник... И сел на табурет, забыв про ужин, который только что собирался готовить.

Он не слышал, как Галя встала, вошла к нему на кухню и встала в дверях.

– Случилось что-нибудь? Какие-то неприятности? – тихо спросила она.

Он махнул рукой. Снова встал и подошел к плите.

– Сиди, я сама... – она включила газ, поставила сковородку на огонь. – Долго не могла заснуть после случившегося... И тут ты пришел...

– Извини, что разбудил.

– Да нет, – отмахнулась она. – Я про другое. Вот только уснула, и снова увидела его. Глаза бешеные, красные, как у быка. И на меня набросился. Второй день мерещится.

– А, этот уголовник, который сбежал... Дон, кажется?

– Меня просто трясло. На студии все спрашивают, как это было...

– Ну и как это было? – спросил Игорь. – Он что, владеет приемами?

– Знаешь, не сказала бы, – покачала она головой. – Что-то здесь не так. Вот никто мне не верит. В милиции допрашивали, переглядывались и усмехались, когда им объясняла. Другое тут. Он не растерялся, не испугался ареста, а прямо взбесился, понимаешь? И когда потащил за собой этого бедного милиционера, думаю, он просто ничего не соображал.

– Хочешь сказать?..

– Да. Его этим арестом здорово, главное, искренне разозлили. А у тебя что стряслось? Не молчи. Я же вижу.

Он сосредоточенно думал, набив рот едой, которую, казалось, не замечал.

– Чертовщина какая-то происходит... – сказал он. – Наш телефон по настоянию следователей поставили на прослушку. Я дал письменное согласие. Теперь будем жить под колпаком.

Она подошла к нему, обняла сзади за шею.

– Представляешь... Звонит мне один мужик, есть мол разговор, срочный и важный...

В это время раздался телефонный звонок. Они переглянулись. Он поднял трубку.

– Это журналист Володин Игорь Николаевич? – послышался вежливый мужской голос.

– Да, с кем я разговариваю?

– Это не имеет особого значения, поскольку разговор нужен не столько нам, сколько вам.

– Кому это – вам? – Игорь поднял глаза на жену. Пожал плечами, показав глазами на трубку.

– Только не бросайте трубку, не советую, – продолжал абонент. – Этот разговор первый и последний. Иначе потом, когда вы сами захотите с нами связаться, выяснится, что обоюдного желания уже не существует.

– Так его и сейчас нет... – сказал Игорь.

– А вы все-таки выслушайте. Очень советую. И вам, и тем, кто уже поставил ваш телефон на прослушку. Вы ведь за этим бегали сегодня к друзьям в прокуратуру?

Игорь оторопело молчал.

– Так что выслушайте. А уж потом сами решайте, вести нам дальнейший разговор, или нет.

– Ну так говорите по делу наконец... – сказал Игорь.

– Вы сегодня стали обладателем информации, которая предназначена не для ваших ушей.

– И что?

– Так вот мой вам совет, раз уж вы влезли...

– Вы прекрасно знаете, как было дело... – перебил Игорь.

– Вы уже влезли! – повторил собеседник. – Кстати, один вопрос: с вами насчет Дона ничего не говорили? О нем спрашивали?

– Какого еще Дона? Не знаю я никакого Дона.

– Все вы знаете. Это тот самый Доронин, которого снимала ваша жена, когда менты хотели его взять.

– Говорю вам: ничего не знаю. И меня в это втянули помимо моей воли...

– Это перестало иметь значение, после того как вы побежали в прокуратуру. И зарубите себе на носу. Вам есть что терять в этой жизни, не так ли? Вот и не забывайте об этом ни на секунду! Даже во сне. Иначе вам не помогут ваши друзья из прокуратуры. Вы все поняли?

Игорь не успел ответить. В трубке послышались короткие гудки. Он положил трубку на место, снова сел за стол, стараясь не смотреть на жену.

– Может, теперь объяснишь? – спросила она. – Тебя шантажируют?

Он не успел ответить, как послышался новый звонок. Это был Денис.

– Игорь, я все слышал...

– И как мне теперь быть? – спросил Игорь, но Галя решительно отобрала у него трубку.

– Послушайте, что происходит? Игорь второй день ходит как в воду опущенный.

Ничего не говорит... Если вы что-то знаете, можете объяснить? Кто и чем нам угрожает?

Из своей комнаты вышел, услышав ее голос, сонный Сережа.

– Спать, спать... – Игорь отвел сына назад.

– Игорь попал в нелепую и неприятную историю... – начал Денис.

– Это опасно? – перебила она.

– Да...

– Это как-то связано со вчерашним побегом бывшего уголовника? – спросила она после паузы. – Ну, которого мы позавчера должны были снимать?

– Ты имеешь в виду Доронина? Думаю, да. На самом деле, это очень серьезно. Мы уже установили, с письменного согласия Игоря, прослушивание вашего телефона. Поэтому записали его разговор с неким господином...

– Вы его номер засекли? Теперь знаете, кто он?

– Нет, к сожалению. Наш сканер недостаточно мощный... Извините, это все, что я могу сейчас сказать. А теперь передайте трубку Игорю.

Игорь внимательно взглянул на жену. Она, рассеянно глядя в сторону, машинально опустила в кресло.

... Денис отключил телефон.

– Ну что? – осторожно спросил Турецкий, кивнув на трубку.

– Его уже начали шантажировать. И при этом спрашивали о Доронине. Сейчас переключу запись...

Турецкий внимательно слушал голос, желваки на его скулах ходили ходуном.

– История с этим киллером Павлом серьезней, чем я думал. И действительно, здесь есть какая-то связь с делом Доронина. Только какая? Ладно, уже поздно, давай отвлечемся. Ты нарыл что-нибудь в нашей прессе? Кто там кого собрался мочить? Или для тебя уже поздно, и голова перестала соображать?

– Да нет, нормально, – махнул Денис рукой. – А там все то же. Все те же персонажи, все так же наезжают друг на друга. Это у них что-то вроде экстремального спорта. А народ, как всегда, индифферентно безмолвствует.

– Извини, Денис, – сказал Турецкий, взглянув на часы и набирая номер Вячеслава Грязнова. – Я сейчас должен переговорить с твоим дядей. Мы с ним договорились созвониться в это время... Слава, опять я. Ну как там с розыском Доронина, продвигается, есть что-нибудь?

– Саня, ничем не могу обрадовать. Ищем. И сослуживцы покойного Анисимова тоже ищут. Они ж зарок дали, мол, землю рыть будем...

– Но ты их предупредил? Он живым нужен.

– Предупредил. Строго-настрого. Но все равно, ты же знаешь... Словом, пока ничего нового. Как в воду канул. Уже прошлись по его связям, каналам, знакомым женщинам... Везде пусто.

– А ваша хваленая агентура, платные осведомители?

– Тоже ничего. Говорят, новая женщина у него, которую никто не видел. Мои оперы опросили тех, кто работал в его ООО в последнее время, но те, как правило, вместе с ним сидели, они хоть и знают, а ничего не скажут. А у тебя что слышно?

– Есть результаты судмедэкспертизы, – Турецкий пролистал протокол. – Вот... Перелом основания черепа. И он же проломлен в нескольких местах.

– Выводы?

– Если предварительные, то совпадают с показаниями свидетелей. Никто из них не видел, чтобы Доронин бил Анисимова по голове. Все в один голос заявляют, что он тащил его за собой по бетонным ступенькам, а тот бился головой.

– Видеокадры изучал?

– В целом подтверждают, хотя камера ходила ходуном и многое плохо различимо...

Озверел он, понимаешь?

– Как там мой племянш? – спросил Грязнов после молчания. – Не утомил еще?

– Нормально, – пожал плечами Турецкий, коротко глянув на Дениса.

– Ладно, Саня, передавай ему привет, будут новости, созвонимся.

Положив трубку, Турецкий снова взглянул на Дениса.

– Дядя тебе привет передал. Итак, что ты там в наших СМИ увидел? Банкиры, которые не возвращают долги или не дают кредиты, есть такие?

– Спасибо... Ну а как без них?.. – Денис подвинул к нему ворох газет. – Я тут пометил. Десятка полтора подобных историй. И наверняка этих банкиров уже разглядывают через прицел. Но чтоб сто тысяч баксов за выстрел?! Может, мы тут за текучкой что-то пропустили? Например, всемирную забастовку киллеров, потребовавших повышения гонораров и создавших профсоюз для защиты своих прав? И сейчас у них цены только такие?

– Если все так серьезно... – Турецкий отодвинул газеты. – Если действительно дают такой задаток, значит, под прицелом этого Павла должна быть очень крупная птица!

– Все-таки сомневаешься? – спросил Денис. – Думаешь, это туфта, вброс ложной информации, с помощью которой просто хотят перегрузить наши славные правоохранительные органы? Или отвлечь от чего-то более серьезного?.. От дела об убийстве капитана Анисимова, например.

– Это ты о чем? – потянулся и зевнул Турецкий, взглянув на часы. Было уже без четверти десять вечера.

– Расчет прост, – пожал плечами Денис. – Игорь, которому я когда-то оказал услугу, часто со мной контактирует, и потому именно ко мне прибежит с этой историей. А я, как племянник своего дяди, – к нему или к тебе. И все при деле. Начинаем соображать, что бы это значило. В результате другое важное дело растягивается, и кто-то выигрывает время, чтобы...

– «Он думал, что уснула я, и все во сне стерплю, – насмешливо пропел Турецкий. – Он думал, что я думала, что думал он – я сплю».

– Бернса я тоже люблю, – обиделся Денис. – И про этого чудака тоже время от времени вспоминаю, когда ум за разум заходит. Может, тогда оставим до утра? Я, наверно, родился в год медведя. Как зима начинается, сразу тянет в спячку.

И откровенно зевнул.

– Не ты один... Ладно... – Турецкий встал и потянулся, потом сделал пару резких движений руками. – Уже слишком поздно. А завтра ты мне понадобишься выспавшимся. Поэтому отложим. Только я сначала перешлю эту запись для идентификации в лабораторию МВД.

Он кивнул на аудиокассету, на которой только что был записан разговор Володина с незнакомцем.

– Я бы еще раз послушал, – сказал Денис. – Чем-то мне этот голос кажется знакомым... А тебе – нет?

– Кажется, – кивнул Турецкий, собирая бумаги со стола. – Что один из записанных голосов принадлежит Игорю Володину, известному журналисту и твоему знакомцу... Стоп. А что интересного у нас в столице, кстати говоря, предстоит через месяц, помнишь?

– Как всегда. Квартальную вам в прокуратуре должны дать, – пожал плечами Денис. – А у меня, в «Глории», между прочим, кварталка каждый месяц. И ни разу не задержали. Вот закончу практику, вернусь в «Глорию», так что переходи ко мне работать, Александр Борисыч! Не пожалеешь.

– Хочется и мной покомандовать? – сощурился Турецкий. – Но это случится не раньше, чем меня отправят на пенсию... если вообще случится. Так вот через месяц состоятся выборы в городскую Думу в сто шестнадцатом округе Москвы.

– Подумаешь, событие!..

– Такие рассуждения извинительны для твоих клиентов, Денис. Напомню: там вместо погибшего Николая Семенова будут избирать другого депутата. Вопрос навскидку: кто из наших общих знакомых собрался туда баллотироваться, не припомнишь?

– Никак Соломатин? – Денис присел на стул. – Этот бывший рубоповец, ставший авторитетом? Ты вел его дело и довел до суда, так ведь?

– Вот именно. Но мороки все равно полно. Суд тянется уже год, приходится ездить на заседания, то-се...

– Значит, ты тоже так считаешь: тебя хотят завалить грудой дел, чтобы...

– Я так не считаю, но не исключаю, – Турецкий зашагал по кабинету. – Как раз у него сменился адвокат. Он будет читать все сначала. А там больше сорока томов. И Соломатину, как никому другому из моих подследственных, нужна депутатская неприкосновенность. Не очень в это верится, но проверить стоит. Будет время, покопайся, и расскажешь мне о планах Соломатина, кто его выдвигает и поддерживает, а также о его криминальных связях...

– Кое-что могу доложить уже сейчас, – сказал Денис. – Он держит крышу на Тимирязевском вещевом рынке. И что?

... Утром Турецкий позвонил на технический узел МВД, где осуществлялось санкционированное прослушивание, а также идентификация телефонных номеров.

– Какие-то первые цифры вы успели определить? Или, как всегда, звонили из автомата? – спросил он.

– Сотовый, есть три первые цифры после кода.

– Можно установить, сколько там всего абонентов, имеющих такие же три цифры? – спросил он.

– Порядка трех-четырёх тысяч...

– Без ножа режете...

– Более точно можно будет узнать, если снова позвонят вашему абоненту с этого же номера, – постарались его утешить. – Эти три цифры компьютер уже запомнил. Возможно, он успеет засечь еще две-три...

– Если с этого... А если с другого? Они тоже не дураки. Володину по этому поводу больше не звонили?

– С этого номера – нет. Звонки были обычные. Тематика – деловая, семейно-бытовая, для нас ничего интересного...

– Спасибо, – Турецкий положил трубку.

Как раз семейно-бытовое – это и есть самое интересное на свете, подумал он. Я вот от своей дражайшей супруги иногда часами звонка жду, не дождусь. И плевать мне тогда на все оперативные и розыскные данные, пока не услышу ее голос. Вот что делает с нами телефон... Сближает, говорят. А он иногда не сближает, а напротив, еще сильнее отдаляет. Особенно, когда подолгу не бываешь дома... Подумав, он машинально стал набирать свой домашний номер, но, спохватившись, набрал номер Игоря Володина.

– Извините, как там у вас?

– Это я вас должен спросить: никого из сильных мира сего еще не шлепнули? – нервно спросил Игорь.

– Пока нет, – спокойно сказал Турецкий. – Я о другом. У вас дома – нормально?

– Если не считать, что Галя ночь не спала и мне не давала заснуть своими расспросами. А как ночью машина к дому подъедет, сразу вскакивает, бежит к окну. Вы поймите правильно, я ведь не за себя, за своих боюсь... Теперь скажите... – он понизил голос. – Возможно, я ошибаюсь, но, по логике, прежде, чем убрать этого чертова киллера, им бы сначала того... ну, сделать это со мной, верно? Чтобы не было последствий...

– Не берите в голову...

– По их понятиям, я же должен знать информацию, которую он будто бы мне предоставил! А если меня не будет в живых, то кто ее обнаружит в случае его устранения, верно?

– Поэтому вам следует почаще мелькать у нас и на Петровке, 38, – сказал Турецкий. – Пусть думают, что мы тоже владеем этой информацией. Я чувствую, вы тоже не выспались. Успокойтесь... Кстати, найдите завтра время, чтобы приехать в МУР. Их художник должен составить словесный портрет вашего Павла. Я им уже звонил. А супруга пусть придет к нам. Она нам должна дать свидетельские показания по факту гибели капитана Анисимова. Повестку мы ей выпишем. Нельзя терять времени, и потому не ждите, когда вас вызовут.

– Этот Павел такой же мой, как и твой... – пробормотал Игорь. – Простите, но, может, нам действительно лучше перейти на ты? Не панибратства для, а пользы дела ради, ну, вы понимаете...

– Давайте попробуем.

– Тогда вопрос: ты о киллере меня почти не спрашивал. По горячим следам, так сказать...

– Так нет постановления о возбуждении уголовного дела по факту твоей с ним беседы... – иронично сказал Турецкий. – А раз такого дела нет у меня в производстве, какие могут быть вопросы?

– Наверное, я выглядел очень напуганным? – подозрительно спросил Игорь.

– Ладно, поговорим, когда приедешь... – закончил разговор Турецкий.

Игорь положил трубку, вскочил, чтобы начать собираться, потом заметил краем сознания, как напряглись сотрудники редакции, прислушивавшиеся к его разговору... Они ни о чем не спрашивали. Кажется, все и так были в курсе. Поэтому не обязательно что-то объяснять.

7

Володин уже надел куртку, когда его позвал к своему телефону начальник отдела Антон Заев, выглянув из кабинета.

– Игорь, тебя...

– Кто там, Галя? – спросил Игорь, прежде чем взять трубку порывисто закрыв за собой дверь кабинета.

– Какой-то мужик...

Антон протягивал трубку, сочувственно глядя в глаза подчиненному.

Наверно, выгляжу затравленным, подумал Игорь, прикладывая трубку к уху. И жалким. Он мельком взглянул на себя в зеркало.

– Слушаю...

– Это Павел. Говорить долго не могу, чтобы меня не запеленговали, поэтому скажите сразу: вам угрожали?

– Откуда вы звоните, мы можем сейчас встретиться? – быстро проговорил Игорь.

– Это исключено. Я сейчас далеко отсюда и повторяю: говорить долго не могу. Учтите, никто лучше меня вас и вашу семью не защитит. Вы это понимаете?

– Да, кажется, понимаю... – пробормотал Игорь.

– Поэтому отвечайте быстро и прямо. Вам угрожали?

– Да... утром звонил кто-то, предупреждал.

– Он, конечно, себя не назвал?

– Нет... Угрожал, напоминал о семье, – вздохнул Игорь, стараясь не смотреть на Антона.

– Понятно. Думаю, до акции они ничего вам не сделают, ибо я буду поддерживать с вами постоянную связь.

– Ну и втянули вы меня... И моих близких, – сказал Игорь с чувством.

– Ничего, зато узнаете на собственной шкуре, что такое смертельная опасность. Вам, писателям, это полезно узнать. Помните, была такая газетная рубрика: журналист меняет профессию? Вот и попробуйте себя в роли заложника. Всего хорошего.

– Вы еще позвоните? – спросил Игорь с надеждой.

– Да, я буду звонить вам по разным телефонам, которые я знаю, поскольку ваш домашний наверняка прослушивается. До свидания.

Павел отключил сотовый, прислушался. Кажется, никто не слышал. Во всяком случае, никто не отреагировал. Он вышел из своего номера небольшой гостиницы здешнего полигона, который военными давно забыт и заброшен.

Везли его сюда долго, в машине с зашторенными окнами, поэтому о своем месторасположении он не мог сказать ничего определенного. Только по некоторым признакам и по времени в пути мог сказать, что везли куда-то в сторону юга, по Симферопольскому шоссе, значит, это где-нибудь под или за Подольском.

Местные власти, как и везде, смотрят сквозь пальцы на то, за что им отстегивают. Сдали поди полигон и гостиницу местному отделению охотничьего общества, которое контролирует всем известная местная же группировка.

И хотя выстрелы здесь раздавались не всегда ружейные, большей частью пистолетные, винтовочные и автоматные, похоже, это никого не волновало.

К нему подошел здешний старшой – поджарый, среднего роста, где-то под метр семьдесят, восточного типа. Чувствовалось, что он был когда-то в прошлом кем-то в единобор-

ствах. Павел обычно это видел по рукам, походке и осанке, хотя одет тот был в самое что ни на есть гражданское...

– Готов? – спросил он, точно так же оглядывая Павла.

Павел кивнул и сошел с крыльца.

– Теперь куда?

– Вон там ближайшая директриса... – старшой не сводил с него взгляда. – Предпочитаешь ТТ?

Павел снова кивнул:

– Верная информация. Сколько даешь патронов для пристрелки?

– Сколько скажешь. Обоймы достаточно?

Павел кивнул. Старшой чуть усмехнулся и протянул руку.

– Иван... – пожатие его узкой руки было, как прежде писали, стальным. Павел ответил тем же.

– Павел. Так куда идем?

Стрельбище находилось в продолговатой и покатоной выемке, закрытой от посторонних глаз и ушей. Там были еще двое парней, один рыжеватый, другой лысоватый, в теплых спортивных куртках с надписью «адидаас», и в двадцати пяти метрах от исходной позиции стояли щиты с продырявленными мишенями. Они молча раскрыли один из ящичков, где лежали пистолеты в заводской смазке. Здесь же, на огневом рубеже, стоял дальномер на треноге, и тоже почти новый. Все, как в лучших домах, подумал Павел.

– Смазанные, значит, не «замазанные», – не переставал улыбаться Иван. – Который на тебя смотрит?

– Любой... Вон третий слева.

– Вообще-то у нас положено мобильник сдавать сразу по прибытии, – сказал Иван, доставая из узкого ящичка пистолет ТТ. – Или вам не сказали?

Он стал протирать его ветошью, ожидая ответа. Потом взглянул на Павла. Тот кивнул. Но сдавать не торопился.

– Отдадите сразу, или предпочитаете, чтобы силой изъяли?

Парни вроде занимались своим делом – прицеливались новую мишень – и только на секунду замерли, покосившись в сторону Павла.

Понятно. Для того меня и оставили одного, чтобы отсюда позвонил... И теперь хотят знать, кому именно... А я сразу и не допер. Только не на того напали, я вам не фраер какой-нибудь.

Павел сунул руку во внутренний карман, нащупал сотовый, указательным пальцем провел по кнопкам, нащупал кнопку «ОК», нажал, затем третью сверху – «CLR». Несколько раз нажал, чтобы стереть номер в памяти, и все это на протяжении пары-тройки секунд. Потом не спеша достал трубку и молча протянул ее Ивану. Какое-то время, улыбаясь, они смотрели друг другу в глаза... Кажется, Иван все понял. Тем не менее сотовый взял.

Павел вставил обойму, медленно поднял пистолет снизу вверх и выстрелил в мишень, выпустив всю обойму, так что парни попадали на землю, не успев отскочить.

– Э-эй! – прикрикнули они на него, прикрывая головы руками. – Ты че, мужик, совсем?

– Сегодня носит «адидаас», а завтра Родину продаст, – громко сказал Павел, возвращая пистолет Ивану. – Трусливые они у тебя.

Тот по-прежнему улыбался. Казалось, ему понравилось это явное нарушение техники безопасности.

– Ну и как там, все живы? – усмехнулся Павел и приложился к дальномеру.

– Отсюда вижу, – сказал Иван. – Три десятки, две девятки... Смещение на два пальца влево. Еще одна где, не вижу.

– Четыре десятки, – поправил Павел. – Одна в одну вон там, пониже...

– Кучность классная, но пули ушли чуть влево, – подытожил Иван. После чего достал свой автоматический «глок» и выпустил всю обойму в соседнюю мишень, так что все пули легли одна в одну, образовав неровное отверстие, в которое можно было просунуть два пальца.

– Здорово, – кивнул Павел. – Вот у тебя, вижу, ствол пристрелян всерьез и надолго.

– Ну так... Может, попробуем другой? – спросил Иван, кивнув на ящик.

– Хорош, – сказал Павел. – Беру этот. – И протянул к нему руку. – А сейчас верни мобильник.

– Не все сразу, – помедлив, ответил Иван. – Хочу знать, кому ты отсюда звонил. На всякий случай. Мы тут всех проверяем. Доверяй, но проверяй, как сказал президент Рейган, я правильно говорю?

– Так я мог и потом позвонить, – усмехнулся Павел.

– Мог, – кивнул Иван. – А кто тебя знает, может, ты специально отсюда звонил? Чтобы засекли, где ты находишься. Ты ж не знаешь, куда тебя завезли, согласен?

– Понятия не имею, – подтвердил Павел. – Но кое о чем догадываюсь. За Подольск вроде куда-то. Ага?

И пытливо взглянул на Ивана.

– Вот именно, что вроде того, – сказал тот, не моргнув глазом. – А ты неплохо ориентируешься на местности и во времени... Полигон все-таки секретный, понимать должен... Может, ты звонил своей бабе. А может, еще куда, но главное, чтобы твой звонок запеленговали и узнали наши координаты. Может такое быть?

И взглянул на своих помощников.

Те, не торопясь, подходили ближе, все еще отряхивая свои куртки.

Павел пожал плечами:

– Может, кто спорит. Проверяйте, мне-то что...

Они прошли в небольшое помещение в гостинице, где на первом этаже Иван открыл небольшую комнату.

– Подожди здесь... – он придержал рукой Павла, успевшего заметить экран компьютера. – Гриня, развлеки гостя, а мы с Акимом пока посмотрим, что и как.

Рыжеватый остался с Павлом, лысоватый прошел с Иваном в комнату, где стоял компьютер. Павел сел в старое потертое кресло, закурил «Мальборо», протянул пачку Грине. Тот молча кивнул, взял. Так они курили, глядя в разные стороны, ожидая.

... Иван молча следил за манипуляциями Акима, который сначала присоединил тонкий кабель от системного блока к памяти телефона, потом включил на нем кнопку «ДОЗВОН», глядя на экран монитора.

– Сигнал точно был. Минут десять назад, не больше. Если никто из наших отсюда не звонил... – сказал он вполголоса.

– Это исключено, – заверил Иван. – Я всех строго предупредил.

– Значит, это он. И потом стер номер своего абонента. До этого его звонок был три часа назад.

– А здесь он торчит не больше сорока минут... – констатировал Иван. – И как раз десять минут назад был один. Значит, было что стирать. Когда только успел, сука? А что это за номер, по которому раньше звонил?

– Сейчас... – Аким несколько раз нажал на кнопки трубки Павла. – Вот...

На дисплее появились семь цифр московского номера. Они переглянулись. Аким вставил в системный блок компакт-диск телефонного справочника.

– Наверно, его баба, – сказал он, когда появилась информация. – Полунина Лидия Матвеевна.

– Проверим, – кивнул Иван.

В дверь заглянул Кощей.

– Чего он там у вас сидит? Можно ехать? – Он взглянул на часы.

– Подождет. Сейчас только позвоню... – сказал Иван. – Или сделаем иначе. Он отсюда звонил, а номер из памяти стер, сечешь?

– То-то я смотрю... – сощурился Кощей. – Ведет себя странно. И хозяин велел приглядывать, когда сюда посылал... Павлуха у нас с разбором. – Он кивнул на дверь, за которой ожидал Павел. – Бабки его интересуют, но обязательно вынь да положи ему насчет клиента: кто мол такой и за что. Пару раз, говорят, отказался от заказа, бабки вернул с процентами. Клиент ему, вишь, очень понравился. Честный человек! Узнал, что тот выкупил детей в Чечне. Ну, ты помнишь ту историю?

– Слыхал... – покачал головой Иван, считывая информацию с экрана. – За такими душегубами, что с моральными принципами, глаз да глаз...

– Он не всегда был такой, – продолжал Кощей. – Знал Серегу Муромского?

– Ну, знал. Средь бела дня и при большом стечении публики шлепнули, как в кино. Шуму было... И никого не нашли. Постой, так это он, Павел?

– Он самый... Когда Серега проезжал по мосту в своем «шестисотом», Паша из-за опоры весь рожок в него выпустил. Кстати, свой «Аграм» он там же выбросил. Я потом его выкупил у местных пацанов. А менты не нашли оружия, потому что мальчишки раньше них прибежали и прихватили. Теперь держу этот «Аграм» у себя в качестве вещдока. У меня таких брошенных стволов с отпечатками пальцев целая коллекция. Есть, к примеру, «стечкин» Дона с его пальчиками. Пригодится, если Паша или Дон вдруг ссучатся. Тогда и подкинем в нужное место в нужное время. Мало ли, как все обернется, верно?

– Значит, это Паше Серегу Муромского заказали... А кто?

– Нет, там по-другому все было, – покачал головой Кощей. Ему явно нравилось быть приобщенным к высшим тайнам. – Наоборот. Это Серега заказал Павлу какого-то чеченца, только для верности захватил Пашкиных жену и дочь и посадил их в подвал своего коттеджа, мол, верну в целости, когда выполнишь заказ. А то знаю я вас... У него ведь двое киллеров до того сбежали, прихватив аванс. Он их, правда, потом нашел и урыл по самые уши, но больше лажаться не хотел. А Паше это сразу не понравилось. Он все исполнил в лучшем виде, но когда пришел за расчетом, Серега ему говорит: вижу мол, для тебя твои бабы дороже всего. Вон как стараешься! Так что забирай, и скажи спасибо, что аванс оставляю при тебе. И покончим на этом. Паше это не понравилось еще больше. Он подкараулил Серегу на том мосту. И Серега со всей охраной – в Язу... А потом, через полгода, наверно, кто-то жену с дочкой Павла удавил прямо дома, когда тот был в отлучке. Кто и как, никто до сих пор не знает. Паша ищет, найти не может, а заказчиков и клиентов теперь сам выбирает по моральным качествам.

– А каков он в деле?

– Все, кто имел с ним дело, в один голос: как исполнитель – лучше не бывает. Только кочевряжится больно. Второй номер ему, кстати, нужен. Гена просил передать. Никого нет на примете?

– Поищем... – кивнул Иван. – Вот номер, по которому он вчера звонил какой-то бабе... – Иван кивнул на экран монитора, передавая записку Кощей. – Это ее адрес, видишь? Посмотрите там, у себя в Москве. Кто хоть такая? Он до баб охоч?

– Здесь он нормальный мужик... – пожал плечами Кощей. – То есть жену не может забыть, и потому ищет такую, кто похож на нее. Вроде нашел. Сидели с ним в «Золотом веке». Он там одну снял, с собой увез, заплатил, но не попрощался. Толмач за ним проследил, потом доложил: мол к ней поехали, там и остался до утра. Хорошая девка, кстати... – Он пригляделся к записанному телефону. – Стоп! Да это она и есть! Ее телефон. Лида зовут. Я сам бы ей впарил, если честно...

– Ну, вы там с Геной разберетесь. Поставьте ее на прослушку, советую... А сейчас заберите его и отвози... Ствол у него в порядке... А сколько ему бабок положили, если не секрет? – сощурился Иван.

– Даже не спрашивай, – мотнул головой Кощей. – Я таких сроду в руках не держал.

8

Дон третий день сидел у Любы. Она выходила только на работу, дверь запирала на все замки, во дворе старалась пройти как можно быстрее, ни на кого не глядя, и не отвечала на вопросы соседей... К телефону подходила, но там в основном молчали, потом клали трубку.

Эти два дня Дон наблюдал из-за шторы за машинами, из которых велось наблюдение и которые сменяли друг друга возле дома.

Он терялся в догадках. Кто они? На ментов не похожи. Те давно вломились бы, мордой в пол, штиблетами по ребрам... Несколько раз кто-то звонил в дверь, когда Любы не было дома. Дон курил на кухне, матерясь от бессилия... В передаче «Криминал» он услышал о гибели Тенгиза. Его нашли со сломанной шеей в гараже. Неужто это хотели на него повесить?... Тенгиз сам здоровый, выходит, что, кроме его конкурента – Славки Доронина, – больше никому?

По его просьбе Люба купила бинокль, и он стал рассматривать номера машин и тех, кто в них сидел. Но оттуда особо не высовывались, а номера и марки автомобилей ничего ему не говорили... во всяком случае, немного смог он разглядеть в эту не по-зимнему ненастную погоду.

– Слав, может, это не за тобой? – пару раз спросила Люба. Но увидев однажды телепередачу «Криминал», в который раз показывали сцену, как Дон рванулся в толпу, волоча за собой тело капитана Анисимова, сразу замолкала. Менты гибели коллег не прощают – она это уже слышала не раз по телевизору.

Надо бы выйти отсюда, думал он, сколько еще здесь сидеть? Неделю, месяц? Тем, кто его пасет, проще – они сменяют друг друга... А чем дальше, тем будет тяжелее решиться. Черт, никогда еще так не попадал.

Дома он был один, Люба где-то задерживалась, и он мотался по квартире, не включая свет и изредка подходя к щели между штор.

... О том, что он будет сидеть в «Мессалине», знал только Тенгиз Кутаисский. Они условились о месте и времени перед самой встречей, по сотовым договорились за считанные секунды, будучи уже в машинах. Это железное правило – договариваться о месте и времени стрелки только в последний момент – Дон для себя ввел давно. Теперь получалось, что менты не только успели об этом узнать, но и позвать туда телевизионщиков. А те в момент собрались со всей своей аппаратурой... Значит, сидели наготове у себя в Останкине и только ждали отмашки? И все было подготовлено заранее?

Нужно было окончательно решать с Тенгизом, к кому под крышу перейдет Вешняковский рынок...

История давняя. Когда Дон год назад решил заняться легальным бизнесом, то, при полном согласии братвы, он вложил общак своей группировки в пустырь возле рынка, но построил там не торговые киоски, как его все убеждали, а склады. И не прогадал. Рынок, с которого кормился Тенгиз, стал стремительно расширяться, земля там вздорожала, а склады готовы были арендовать за любые деньги.

Аренда складов кормила семьи членов бывшей группировки. Многие возвращавшиеся из зоны были без работы, их нужно было поддержать.

Дело еще и в том, что возвращался с отсидки Остап, его лучший друг, которого на зоне короновали, и положено было что-то отстегнуть тому на кормление... Остап запросил какой-нибудь вещевой рынок. Дон уже толковал об этом с Тенгизом, предлагая уступить рынок, поскольку слышал, будто Тенгиз тоже решил легализоваться и крышевание рынка стало ему в тягость. Тенгиз долго тянул, и Дон уже решил, что тот собрался толкнуть рынок кому-то из своих и подороже...

А тут Тенгиз вдруг потребовал, чтобы Дон сам продал ему свои склады вместе с землей. Причем предлагал бешеные бабки, каких Дон сроду не имел. И чем больше предлагал, тем настороженнее вел себя Дон – хотел сначала выяснить, с чего вдруг прижимистый Тенгиз так расщедрился, и не стоит ли его «товар» еще больше.

Но ничего толком не узнал, а Тенгиз внезапно, буквально накануне вечером, сделал новый финт ушами: согласился уступить свой рынок Остапу. Вот они и договорились встретиться в «Мессалине», чтобы обговорить кое-какие детали и ударить по рукам. Но вместо Тенгиза нарисовался этот самый Анисимов с нарядом и стал сразу вязать... Эта сука, мент позорный, которого он, Дон, со своих доходов уже четвертый год кормил, поил и воспитывал вместе с его третьей, нет, уже четвертой семьей, внаглую, не говоря худого слова, нацепил браслеты и потащил под «юпитеры», или софиты, словом, к телевизионщикам... Выходило, что именно Тенгиз, а больше и некому, заманил его в ловушку и продал ментам типа Анисима или, бери выше, самого Демида. А сам в это время уже лежал со свернутой шеей в своем гараже...

Потому как на Анисима на телевидении никто не клюнет, а Деמיד там – герой криминальных передач. Типа один, голыми руками, вяжет каждый день вооруженных до зубов бандитов. В Чечню бы его, раз такой крутой!..

А этот Анисим продаст любого, хоть подельника, хоть отца родного, ради очередной звездочки на погонах. Такие, как он, сдают своих баб и корешей, чтоб заработать, и сначала так и выходит, но потом с бабками и всеми делами у них получается все хуже и хуже. Этих, ссучившихся, нигде не любят – ни в ментуре, ни на зоне.

А ведь это он, Дон, познакомил его с Раей, хохлушкой, последней его женой, устроив ее торговать на Черкизовском рынке, где пасся Анисим. Баба в соку, тридцать пять лет, давно Анисим к ней клеился, не отставал, обещал развестись, однако это не мешало тянуть с нее, как и с других, ежедневную дань, и она исправно ему отстегивала... А потом она подсчитала: дешевле обойдется уступить его попыткам залезть под юбку, чтоб выйти замуж и получить москальскую прописку, чем скитаться по чужим квартирам, втридорога платить за них, отбиваясь от вонючих азеров... И, главное, не придется больше отстегивать здешним ментам и бандитам. А напротив, можно попользоваться тем, что отстегнут ее муженьку в ментовских погонах.

Анисим даже пригласил его, Дона, на свадьбу... А совсем недавно зазвал в кабак обмыкать четвертую, капитанскую, звездочку. Хотя в его годы уже ходят в майорах... Тот же Деמיד, к примеру, подполковник. И говорят, проявляет усиленное внимание не только к Анисиму, но и к его новой жене... Ну, это у него натура такая, у Демида. Увидит новую бабу, и сам не свой ходит, пока не завалит в койку.

Это ладно, здесь интересно другое. Главное стало понятно, почему именно Анисима послали его брать. Хотя это совсем не его участок. И не его дело... СОБР, или там ОМОН, это их, как говорится, компетенция.

Хотя расчет верный. Анисим у него, у Дона, в корешах, значит, «преступник» подпустит поближе, ничего не подозревая... Еще и стакан нальет. А все так ведь и вышло.

Позвали, поди, Анисима в большой кабинет и указали: негоже, мол, капитану милиции корешиться с пусть даже завязавшим авторитетом, причем открыто, у всех на глазах. Надо бы загладить. Как? А вот так, на глазах общественности, под телекамерами, повязать этого самого криминального авторитета, хотя бы и бывшего. Может такое быть? Вполне. Кто мог такое ему приказать? Деמיד, больше некому. Интереснее здесь другое. Вот кто самого Демида использовал, чтоб избавиться от него, Дона?

И вот еще что не давало ему покоя: как можно успеть настучать ментам за эти полчаса, что прошли от назначения времени и места, а телевизионщикам собраться и подготовиться? Не смешите мои подмышки! Значит, заранее все было готово. Чтоб это организовать и про-

думать, нужен кто-то поумнее Тенгиза. Этот уж больно тупой от жадности... А теперь интересно, что еще хотят на него, Дона, повесить? Рэкет на здешних рынках? Это навряд ли. Знают, не могут не знать, что Дон в случае чего потянет за собой всю окрестную ментуру, которая там пасется. Да и кто там, на рынках, нынче не кормится, начиная с бомжей и кончая большим московским начальством?

Вернее сказать, его брали не затем, чтобы судить да срок припать, а чтоб применить оружие при оказании сопротивления или попытке к бегству. Ничего другого в голову пока не приходило.

От этой мысли Дон покрылся холодным потом... И эти фраеры, что торчат под окнами, значит, только того и ждут, когда Дон не выдержит и покинет свое лежбище? И утром газеты расскажут о находке мертвых тел авторитетов по кличке Дон и Тенгиз, очередных жертв мафиозных разборок... Кто ж его приговорил? И за что?

Дон продолжал ходить по комнате, сопя от возмущения. Обычно он много ел в минуты волнения, без конца залезая в холодильник, который, к ужасу Любы, опустошался уже через час после ее похода в магазин... Деньги, которые у него еще оставались, быстро заканчивались, а часто бегать по магазинам она не могла.

Выходит, он снова вернулся к своей догадке, его заказали Анисимову. Этот мент поганый, как сямка, принял заказ к исполнению, а его начальники договорились с телевизионщиками? Значит, правильно сделал, что его угрохал!

Он посмотрел на часы. В сумраке, при свете уличных фонарей, сначала было трудно разглядеть стрелки, а когда рассмотрел, присвистнул: около одиннадцати...

Когда в дверь коротко позвонили, он сначала прислушался, потом подошел ближе, стараясь не шуметь, приложил ухо. Послышался – или показалось – стон... Потом снова короткий звонок в дверь, и будто что-то по ней прошелестело...

Он выглянул в глазок, хотя прежде этого опасался. Вроде никого. Пустая, плохо освещенная лестничная клетка. И снова, более явственно, стон... Люба?

Он быстро, почти лихорадочно, стал открывать замки один за другим. Дверь с трудом открывалась, что-то ей мешало. Он осторожно приоткрыл ее и выглянул.

Люба лежала без сознания, вся в крови, ее раскрытые сумки были рядом.

Он как можно аккуратнее открыл дверь еще немного, потом втащил Любу внутрь квартиры, еще раз оглядев лестничную клетку. Там было пусто и тихо. Мертвенно горела лампа дневного света, где-то в соседнем подъезде гудел лифт.

Он поднял ее на руки, донес до тахты, уложил, раздел, принес воды, смочил лоб.

Она застонала и пришла в себя.

– Еле дотащишься... – слабо улыбнулась она. – Слав, не смотри на меня так...

Он беспомощно и растерянно топтался, не зная, что делать. Вдруг понял, почувствовал, может быть впервые, что никого, кроме нее, у него нет и уже не будет. О прежних своих марухах, которым нужны были его деньги, он давно забыл, как только она заплатила за него в небольшом ресторанчике в Чертанове, куда он ее впервые пригласил. У него с собой были только доллары, а обменного пункта поблизости не имелось. Пока официант топтался, потев и плохо соображая, но не желая выпускать из рук портрет полюбившегося российскому населению Бенджамина Франклина, изображенного на зеленовато-серой купюре, Люба мило улыбнулась, положила Дону руку на плечо и расплатилась сама. Как выяснилось потом, почти всей своей получкой. И уже после этой истории не пожелала брать у него долг, как он ни старался вернуть...

Я бандит, как-то признался он ей, напившись. Я людей убивал и калечил, от триппера сто раз лечился! Гони меня в шею, может, еще найдешь путного мужика!.. В ответ она только прижимала к себе его голову, гладила пальцами волосы. Ты хороший, если захочешь... Только злой больно на всех. Но это пройдет.

– «Скорую»!.. – он рванулся к телефону.
– Не надо... – слабо сказала она, когда он уже набрал ноль-три. И, приподнявшись на локте, забрала у него трубку и положила на рычаг.
– Принеси лучше анальгин, йод, тряпку и тазик с теплой водой... Там, на кухне.
Она слышала, как он чертыхался на кухне, что-то роняя на пол...
– Да включи там свет! – сказала она погромче, отчего почувствовала боль в висках.
Наконец он принес все, что она просила.
– Они это сделали специально, неужели не понимаешь? Чтобы разозлить тебя!
– Кто они? Узнала кого? – он сжал кулаки.
– Я вышла из метро, они стоят... курят. Думала, малолетки, девиц своих ждут. Они меня увидели, друг друга подтолкнули, за мной пошли...
Она прикрыла глаза рукой.
– Извини, голова опять закружилась... Только ты не ходи туда. Черт с ними. А то еще побежишь, а они только того и ждут.
Он поддержал ее, поправил под головой подушку.
– Слава, это они нарочно, – снова и снова повторяла она. – Чтоб тебя из дому выманить. Ты ж бешеный...
– Где они? – спросил он, надевая куртку.
– Откуда я знаю?... Может, эти ушли, так другие объявились, тебя поджидают. Не ходи туда, Слава, убьют тебя! – она заплакала.
– Замолчи...
Он мотался по комнате, не зная, что предпринять. Вернее, не решался.
– Ну козлы... Хорош реветь! – он замахнулся на нее. – Замолчи! Слышно ведь... Где, ты говорила, они меня караулят? Может, возле дома?
– Может быть, – она всхлипнула. – Не ходил бы ты...
– Так ты видела кого возле дома или нет? – спросил он снова.
Она жалобно смотрела на него, слезы текли из широко раскрытых глаз. Наконец убедилась, что его не удержать.
– Какие-то мужики возле машин стояли, – сказала она. – Как всегда. По-моему, мент был один, толстый.
– Где?
– Вспомнила, возле гаражей. Я мимо тащилась, они увидели, замолчали... Да, вот... хотела попросить помочь, смотрю, с насмешкой глядят. Я и не стала просить. Посидела на лавке и дальше потащилась...
Он подошел к ней, сидевшей на кровати, обнял, она прижалась к нему лицом.
– Может, не надо, а, Слава?
– Да что ты, в натуре! За кого меня держишь? Не надо...
Он махнул рукой и подошел к окну. Там темно. Уличные фонари едва освещают сами себя. Да и кого там разглядишь возле темных гаражей, слившихся в бесформенную приземистую массу?
– Как твоя голова? – мрачно спросил он, вернувшись к кровати.
– А что? – она страдальчески смотрела на него. – Уйдешь им мстить за меня? И оставишь здесь одну?
– Без помощи не оставлю... – он уже набирал номер. – «Скорая»?
– А? Да, точно. «Скорая», «скорая»... – будто растерялся мужской голос.
Дона это сначала удивило, потом он продиктовал адрес и симптомы.
– Только побыстрее, – сказал он. – Больная плохо себя чувствует...
– Скоро приедем, – заверил мужик. И повторил адрес. – А дверь нам будет кому открыть? – спросил он, когда Дон все подтвердил.

– Я сам тебе все раскрою, – сказал Дон. – Нараспашку! И дверь, и еще кое-что. Он положил трубку. Черт, подумал он. Со всех сторон уже обложили... Даже к телефону подключились. Да, дела... Но лезть сюда они пока боятся. Ночи ждут.

Она смотрела на него во все глаза.

– Слава, ты что задумал? – тихо спросила она.

– Ничего особенного... Если позвонят, дверь никому не открывай, ты поняла?

– Все-таки пойдешь? – ее голос снова дрогнул.

Он подошел к ней. Сел рядом, она положила голову ему на плечо.

– Хоть полегче стало? – спросил он негромко.

– Да. Когда ты меня вот так обнимаешь... И анальгин, наверно, подействовал. – Она всхлипнула.

Ну, сейчас начнется, подумал он, и осторожно снял ее руки со своей шеи.

– Запомни. Если вернусь, звонить в дверь не буду, три раза стукну, – сказал он. – И никому, слышишь? Никому без меня не открывай!

9

Он вышел на кухню, там открыл окно, выходящее на безлюдный двор, встал на подоконник, протянул руку к водосточной трубе, уперся, потом рывком ухватился за ограду соседнего балкона, повис на нем, болтая ногами... Он был на уровне второго этажа, а внизу, над крыльцом, ведущим в служебный вход продуктового магазина, находился навес.

Дон давно заприметил эту возможность отхода, и вот – пригодилось. Продолжая висеть, он вытянул носок ноги, стараясь достать навес из некогда оцинкованной, а ныне проржавевшей кровли... Ведь если спрыгнуть – шуму не оберешься.

Но шуму здесь хватало и без него. Из приоткрытых форточек доносились звуки телевизионного шоу, было слышно, как смеялись зрители в студии и у экранов... Выступал, кажется, Жванецкий. Или Карцев. Про раков по три рубля.

Чувствуя, как немеют пальцы, Дон все-таки решил дождаться очередного взрыва смеха за окнами. Теперь многое, если не все, зависело от талантов юмориста... И дождался. Когда донесся дружный громовой хохот зрителей, видимо, некоторые заранее себя подогрели, а где-то рядом, почти одновременно, вдруг завывла и закудаhtала охранная сигнализация стоявшего во дворе автомобиля, Дон отпустил руки, свалился на навес, моля Бога, чтобы не проломить его своей тяжестью, и скатился по нему в грязный сугроб, где замер, уткнувшись лицом в жесткий наст. Потом поднял голову, огляделся. Вроде обошлось.

Он осторожно вылез из сугроба, обошел дом вокруг, затем дворами вышел к гаражам, зайдя с противоположной стороны от дома, где он только что прятался. Он выглянул из-за угла ближайшего гаража. Так и есть. Несколько ментов стояли возле патрульного «газика» к нему спиной и курили, поглядывая в сторону дома, где проживает Люба. Еще кто-то сидел в машине. Возле них стояли несколько парней и пара девиц в куртках, без головных уборов. Негромко переговаривались...

Он напряг все свое внимание и слух.

– Ну что, Кент, где твой Дон? – спросил толстый мент. – Долго еще ждать?

– Наверно, с марухой своей возится... – хмыкнул кто-то из парней, чей голос показался Дону знакомым. – У них эта, как ее, вроде любовь, говорят.

Было слышно, как девицы захихикали.

– Перестарались поди? – недовольно спросил толстый мент. В его руке Дон разглядел антенну милицейской рации. – Видели мы ее отсюда. Еле тащилась.

– Ну так помог бы женщине... – огрызнулся парень.

– Я ж вам говорил! Не очень-то! Не перестарайтесь.

– Это ты, Балабон, в натуре, знаешь, как нас долбать в своей ментовке... – сказал парень, которого звали Кент. – Чтоб следов не оставалось! Домой придешь, никто не поверит, как скажешь, где был...

– Что, на себе проверил? – хмыкнул толстый мент, он же Балабон.

– Ну. Всяко было. А тут баба... Пока ее не отключишь, будет орать как резаная. По тылке дали, враз замолчала. Обыскали, то-се...

– Ну и как она на ощупь? – спросил кто-то из других ментов..

– Нормально... Сначала ее придавили слегка, она заблажила: мальчики, мальчики, пустите, не надо, лучше я сама...

– Что сама? – заинтересовался тот же мент.

– Типа сама деньги отдам. А ты про чего подумал, на морозе-то?

– Все про то же... – Балабон обнял девиц, те негромко взвизгнули. – Ну, так где он? Долго ждать? Вы мне чего говорили? Будто дурной, заводится с пол-оборота, сам прибежит...

– Так и есть, – подтвердил невидимый Кент, чей голос казался Дону еще более знакомым.

– Вас видел кто? – спросил Балабон, он же толстый мент. Похоже, он был здесь старший.

– Не... Все мимо пробежали, отворачивались, – заверил Кент. – У нас тут народ пуганый, не очень-то активный. В герои никто не лезет, на выборы никогда не ходят. После восьми дома все сидят. В ящик смотрят.

«У нас тут»... Значит, здешний. Вот тебя я точно запомню, подумал Дон.

В это время донесся шум из радики, и толстый приложил ее к уху.

– Ясно... так и сказал? Хорошо, будем думать.

– Да куда Дон сейчас от нее не пойдет, – сообщил он окружающим, – минут десять назад засветился. Вызвал «скорую», только что передали. Он сам им откроет, когда приедут... Она, мол, не в состоянии.

– Разве «скорая» к нему приедет? – спросил кто-то из парней.

– Нет, мы за нее... – хмыкнул толстый Балабон. – Что, не верится? Придем туда с лекарствами, с бюллетенем, со всеми делами.

– Ему тоже укол в жопу? – хохотнул тот же парень.

– Много знать хочешь...

– А ее?

– В больницу отправим, – недовольно сказал толстый мент. – И составим протокол о нападении на гражданку Сысоеву Любовь Петровну... Вопросы есть?

– А мы? – спросил тот же парень.

– Будете понятыми. Вернее, санитарями. На носилках понесете. Только смотрите, чтобы она вас не узнала...

– Нет, а потом? – настаивал парень.

– Кончай, Кент... – недовольно сказал кто-то из его дружков.

– Это вопрос не ко мне... – еще более сердито сказал толстый мент. – Вы с кем договаривались?

Парень что-то неразборчиво промямлил.

– Вот к нему и все вопросы... «Скорая» тут у вас скоро приезжает? Сразу, или немного погодя?

– Час, полтора... как везде.

– Вот и дадим ему час. И потом сами к ним заявимся.

Дон слушал, откинувшись к стене. Все, как он и предполагал. Он не мог сразу осмыслить услышанное... Значит, укол ему решили сделать... Протокол завести. А у него теперь на все про все час времени?

Стараясь не шуметь, он осторожно, вдоль стены, пошел назад, выбрался к своему дому, огляделся. Машина, где торчали наблюдатели, стояла на том же месте. На ветровом стекле были заметны две красноватые точки сигарет. Наблюдали, не отрываясь. Можно подойти хоть сбоку, хоть сзади, все равно не ожидают, и... ладно, потерпим покуда. Наше время еще придет.

Дон вошел в дальний подъезд, потом поднялся на последний этаж, открыл люк чердака и через крышу добрался до своего подъезда. Мог бы так сделать с самого начала, подумал он.

Спустившись с чердака, он остановился на соседней лестничной клетке. Прислушался... Кто-то едва слышно переговаривался ниже этажом. Он постарался быстро и как можно тише открыть дверь, вошел в квартиру.

Люба спала, откинув голову на локоть, покрытый синяками. Дон некоторое время смотрел на нее, потом взял телефон и, потянув за собой шнур, вышел с ним в соседнюю комнату. Там он включил свет – чего теперь бояться-то – и какое-то время раздумывал, решаясь.

Ведь шлепнут из пистолета, когда только откроет дверь... Скажут, оказал сопротивление при задержании. Не сдержались, мол, от гнева за погибшего товарища капитана Анисимова... Он смотрел на свое отражение в темном окне. С кем бы потолковать, посоветоваться? Есть один такой, кто точно не продаст. Павел, Павлуха... Да засекут ведь, подставишь и его. Ладно, сделаем иначе...

Снял трубку, набрал ноль два.

– Соедините меня с Петровкой, 38, – сказал он. – Срочно. С дежурным. Или с другим вашим начальником. Только побыстрее!

– Что у вас случилось? Может быть, вас соединить с местным отделением милиции?

– Слушай, барышня, некогда мне, понимаешь? Хочу предотвратить серьезное преступление! – повысил он голос. – Может, я здешним ментам не доверяю! Быстро соедини, как в Смольном! Иначе здесь будет гора трупов! И ответишь потом по полной за бездействие!

– Ну хорошо, я вас соединю с дежурным по городу...

– Вот так бы сразу... – он уперся лбом в стол, прикрыл глаза.

– Я Вячеслав Доронин, – сказал он через какое-то время, когда услышал хрипловатый голос представившегося дежурного по городу подполковника Звенягина. – Тот самый, что убил вашего капитана Анисимова. Хочу сдать на вашу милость.

– Понятно... – дежурный был явно озадачен. – А что раньше прятался?

– Некогда, товарищ подполковник! Потом объясню гражданину следователю... Сейчас меня ваши менты будут убивать. Потому вам и звоню... Срочно присылайте наряд, а то ничего не узнаете!

– Сообщите ваш адрес! Сейчас выезжаем.

– А то вы не знаете... – скривился Дон. – Небось уже номер определили, пока мы с вами балаболели, и дом с улицей, и код в подъезде. Да, и «скорую», и охрану для моей знакомой, пожалуйста, потом вам все объясню...

Он положил трубку, поднял глаза на вошедшую на кухню Любу. Она прислонилась к стене, ее лицо было одного с ней цвета. Он вскочил, чтобы поддержать ее, усадил на табурет.

– Ты что, Слава... – она со страхом смотрела на него. – Милицию вызвал?

– Все будет путем, – тряхнул он головой, доставая из холодильника початую бутылку водки. – Все нормально. Тебе нельзя, а я напоследок... Там уж никто не нальет.

Наряд омонцовцев в темных вязаных масках прибыл ровно через пятнадцать минут.

Дон стоял в дверях с поднятыми руками и вывернутыми карманами.

– Мужики, – сказал он, когда наручники защелкнулись на его запястьях. – Мы так не договаривались! Меня увезете, а они ее убьют. И где «скорая», где?

Его грубо подтолкнули к выходу. Но он уперся в дверях, расставив локти.

– Мы так не договаривались! Не пойду, пока не вызовите! Убивайте здесь! Вы на нее посмотрите, они ж ее избили всю!

– Слава, не надо... – слабо охнула Люба. – Я лучше сама вызову!

– Нет, – помотал он головой. – Врача вызовите при мне! Прямо сейчас. Чтоб я это слышал.

– Сам не мог до сих пор вызвать? – хмуро сказал один из них, по-видимому, старший.

– Вызывал уже... – усмехнулся Дон. – Только трубку сняли в другом месте... И сразу поняли, что я здесь у нее торчу. Думаете, одни вы на меня охотитесь? Вы звоните, звоните. Сами сейчас услышите.

Старший недовольно взглянул на часы, снял с подбородка маску, взял трубку, набрал номер.

– «Скорая?» – спросил он. – А кто это? Мне «скорая» нужна!

Потом вопросительно посмотрел на Дона.

– Говорил же вам, – покачал тот головой. – А теперь посмотрите распределительный щиток в подъезде. Куда и к кому наш номер подсоединен...

Они снова переглянулись.

– Сходи, посмотри... – негромко сказал старший одному из омовцев. – И исправь, если что не так.

Когда тот вернулся через несколько минут и утвердительно кивнул, старший пристально посмотрел на Дона, будто впервые его увидел. Потом вызвал «скорую».

– Ну что, теперь сам пойдешь или тебя вынести? – спросил он, закончив вызов.

– Теперь сам пойду, – кивнул Дон. – Мне еще жить охота. Только оставьте ей охрану. До приезда «скорой».

10

Назавтра, около десяти вечера, когда Турецкий и Денис, обложившись ворохом протоколов дознания и экспертиз, пришли к выводу, что ничего нового очередные свидетельские показания не добавили, не прибавили, Денис снова, для разрядки, обратился к загадочной истории с киллером по имени Павел, не дававшей ему покоя.

– Надеешься получить по этой линии какую-то информацию о Доронине? – спросил Турецкий.

– Просто ничего не хочу упускать из виду...

– Конечно, раз этот Павел упомянул про Доронина, он тоже должен быть в поле нашего зрения. Никогда не знаешь, из какой информации удастся вытянуть зацепку или улику. А ее все еще нет.

– Из МУРа сегодня сообщили, что Павла в их картотеке нет. – Денис вертел в руках фоторобот киллера, составленный со слов Игоря Володина. – Личность волевая. Что-то в нем есть... Да, кстати, насчет личностей. Я про твоего Соломатина, дядь Сань. Моя версия отпадает, его сняли с регистрации по выборам, что-то он там наврал о своих доходах. Так что можно спокойно его сажать.

– И посажу... Лучше расскажи, что ты еще вычитал в нашей свободной прессе?

– Везде одно и то же. Все только тем и занимаются, что наезжают друг на друга... – Денис поглядывал на хмурого Турецкого. – Черт их разберет, олигархи они, или просто ворюги, хапающие помалу, но которых раздули... И все, заметь, с «крышами»... Вплоть до самого верха, если верить всему написанному.

– А ты не верь.

– И все они, по идее, должны не сегодня, так завтра устроить друг дружке мочилово за милую душу. Первоначальное накопление капитала называется. И когда оно только закончится?... И ничего не попишешь... Вот, кстати, небезызвестные братья Малинины. Они очень хотят участвовать в тендере по продаже блокирующего пакета акций компании НТК... Или вот еще, как пишут про строительство в Москве международного центра бизнеса, мол, на сегодня это самый большой и жирный кусок. Впрочем, тут все называют самым жирным куском... – махнул рукой Денис. – У меня уже голова кругом от этих «кусков». Хотя все – мимо моего рта.

– Это точно... В самом деле все? – усмехнулся Турецкий.

– А вот еще пишут... – Денис развернул другую газету. – Пишут, мол, на эти же акции претендует не менее тебе известная «Бета-групп» и «Инвестком»...

– И что?

Денис не успел ответить, поскольку раздался телефонный звонок. Турецкий взял трубку, на проводе был Игорь Володин.

– Александр Борисович, вы знаете, что милиция арестовала Доронина по кличке Дон, убийцу капитана Анисимова?

– Во-первых, здравствуй, Игорь! Во-вторых, мы договаривались перейти на ты...

– Извините.

– В-третьих, меня сейчас больше интересует, почему я узнаю об этом от тебя, а не от дежурного ГУВД? Но это точно?

– Точнее... – сказал Игорь. – Вернее, мне об этом сообщили под очень большим секретом из моих надежных источников в ГУВД. Сейчас он находится на Петровке, 38, в изоляторе временного содержания. Говорят, он сам им сдался.

– Кто сообщил?

– Я никому не раскрываю свои источники информации, – сказал Игорь. – Насколько я понимаю, они прежде всего должны были передать его вам.

– Правильно понимаешь... – недовольно буркнул Турецкий. – А я вот что сейчас сделаю. Возьму и позвоню своему надежному источнику, работающему в МУРе. И всыплю ему по первое число. А ты мне перезвони через несколько минут...

Положил трубку и сказал Денису, наострившему уши:

– Милиция Доронина взяла. А кое-кто из наших общих знакомых нас с тобой элементарно проигнорировал... – он говорил, набирая номер. – Алло, Вячеслав Иванович? Здравствуй, дорогой! Приветствую тебя категорически!

– Здорово, Саша, – ответил Грязнов-старший. – Что-то не так? Судя по твоему тону...

– Не то слово... Почему из твоей епархии нам ничего не передали об аресте Доронина? От посторонних узнаю, будто он у тебя в «Петрах» сидит. Это так?

– А тебе разве еще не передали? – удивился Грязнов-старший. – Зашились мы тут, понимаешь... Министр только недавно уехал, и вчера тоже приехал. Запарка, Саня, сам знаешь. Скинхеды всякие объявились, фанаты футбольные... Что Дона взяли, мне еще ночью доложили... Он их сам вызвал и сдался... Слушай, лучше поговори об этом с моим помощником Колошиным. Он курирует наш СИЗО. Ну, ты знаешь его.

– Аркадия Ивановича? Да, хорошо и давно знаю.

– А так завтра с утра Доронин в твоём полном распоряжении. Приезжай и допрашивай. Извини еще раз... Держи меня в курсе, звони и не забывай!

– Заметано... – Турецкий положил трубку.

– Мне же и попадет, – вздохнул Денис. – Почему дядя забыл про арест Доронина, а родной племянник не в курсе?

Турецкий промолчал. Положив трубку, он набрал домашний номер Игоря Володина.

– Это опять я. Ты можешь к нам сейчас подъехать? Если жена отпустит... Мы тут с Денисом в свободное время прикидываем насчет твоего киллера... не хочешь поучаствовать в мозговом штурме? Алло, ты куда пропал?

– А может не надо? – тихо спросил Игорь.

– Что не надо? – не понял Турецкий.

– Может, черт с ними, пусть они друг друга поубивают! Чем больше, тем лучше. Им бы не мешать, а?

– Мы это уже проходили... Только меньше их почему-то не становится. Это ты, как журналист, можешь себе позволить фрондерство... А я, как прокурорский работник, могу тебя за это только осудить. Мы ждем твоей компетентной консультации по поводу некоторых весьма известных лиц... Ты же писал о них?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.